

МСТИСЛАВА
ЧЕРНАЯ

Невеста
РЕШАЕТ
БУНТОВАТЬ

Мстислава Чёрная

Невеста решает бунтовать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=697851940101

Аннотация

Любимый предал, отец обвинён в государственной измене, на шею затягивается петля. Но княжна Исидара Кокберг не привыкла сдаваться. Чтобы спасти семью, она повернёт время вспять и... похитит сердце посла вражеской империи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	60
Глава 5	72
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Невеста решает бунтовать

Автор: Мстислава Чёрная

Глава 1

Из окна второго этажа я смотрю, как мой муж обнимает другую женщину. Его ладони скользят по её спине, задерживаются на бёдрах, пальцы сжимаются, и женщина болезненно взвизгивает, но тотчас заливается смехом и игриво ударяет моего мужа по плечу. Её звонкий голос ввинчивается мне в уши.

Муж нехотя отпускает женщину и подаёт руку белобрысому карапузу, их сыну.

Я прижимаюсь лбом к стеклу, но холод не приносит облегчения.

– Рей..., – выдыхаю я.

Злости нет. Моя душа осыпалась пеплом восемь дней назад, и не осталось ничего, кроме горечи вины и сожаления.

Разве папа не говорил мне присмотреться к другим ухажёрам, подождать? Он говорил, что дворянин без титула, живущий на скромное жалованье мелкого чиновника для меня, дочери богатого княжеского рода, не пара, говорил, что выскакивать замуж в девятнадцать лет слишком рано, а Рей дарил стихи, улыбался и на балконе под луной признавался

в чувствах, кружил голову тайными записками.

Я горела любовью и... сгорела дотла.

Горло сдавливает спазм.

Я вспоминаю, как папа отказал Рею, и Рей, ни капли не расстроившись, по-рыцарски встал перед парадным крыльцом на одно колено, прижал правую руку к груди, склонил голову. Всего-то... Как же дешёво я продалась. Помню, как сейчас – я выбежала из дома и там, на улице, под взглядами любопытных зевак тоже опустилась на мостовую, тем самым не оставив папе выбора: в “Светской хронике” обо мне вышла целая статья, полная злых насмешек, моя честь была бы опорочена, продолжай папа отказываться от брака. Свадьбу сыграли спешно...

Любовь... Рей клялся мне в верности мне, в уме планируя очередной визит к любовнице. На тот момент у них уже был сын, и тогда же, чуть больше года назад, Рей в храме Белой богини признал отцовство, дал сыну свою фамилию.

Теперь Рей привёл любовницу и бастарда в дом.

Обман?

Беды, одна чернее другой, обрушились на нас сразу после моего замужества.

Сперва брат, единственный наследник. Безупречный молодой князь, и вдруг найден мёртвым в одном из низкопробных заведений столицы. Именно Рей посоветовал пригласить следователей из Тайной канцелярии. Я до последнего не верила, когда следователи нашли доказательства государ-

ственной измены и подготовки мятежа. Восемь дней назад... Восемь дней назад папу обезглавили.

Не выдержав потрясений, мама скончалась там, у позорного помоста...

Если бы я только не вышла замуж за Рея...

Внезапное осознание опалает мой разум. Словно повязка с глаз падает. Черета несчастий?! Но именно Рей мог заманить брата в ловушку, именно Рей мог подбросить поддельные письма и всё то, что следователи представили на суде. Какой слепой душой я была! Я сползаю вдоль стены на пол и захожусь в смехе пополам с рыданиями, бездарно трачу на истерику остатки сил.

Не знаю, сколько я просидела на полу под окном. Когда я прихожу в себя, я чувствую себя мёртвой. Я всех подвела, моя семья уничтожена, сердце разбито. Это конец.

– Ха...

Я зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, случайно взгляд цепляется за накрытый стол. Овощи давно увяли, хлеб зачерствел, а на мясе погребальным цветком расцветает плесень. Кажется, я отказалась от еды неделю назад? Иногда я пью воду... И никто, ни муж, ни слуги не проявляют беспокойства. Слуги... Наверное, они больше не считают меня хозяйкой. Они даже не убирались семь дней. И камин не топлён.

Мне холодно.

Уйти следом так легко... Я впиваюсь отросшими ногтями

в ладонь, раню тонкую кожу. Телесная боль слегка отрезвляет. Пусть я жалкая, но я всё ещё Исидара Кокберг. У меня ещё осталась гордость. Нет, я не уйду легко, я не доставлю врагам такого удовольствия. Я заставлю их сполна заплатить.

Сжав зубы, я кое-как встаю на четвереньки, затем – на ноги. Цепляясь за стенку и спинки кресел, я доползаю до дивана. От столь простого действия я задыхаюсь, сердце бешено стучит.

Чтобы сражаться, нужны силы.

Выровняв дыхание, я дотягиваюсь до колокольчика. Пальцы пачкаются в тонком налёте невесомой пыли. Я встряхиваю кистью, и раздаётся звон. Мне дважды приходится повторить, прежде чем дверь открывается и на пороге появляется Лали, моя горничная.

– Госпожа? Нас, слуг, представляли новой экономке, – оправдывает она задержку, словно нарочно стараясь ковырнуть рану на сердце.

Но любовница мужа меня не заботит...

– Новая экономка заставила тебя несколько суток просто-вать в холле? – удивляюсь я.

– Госпожа?

Лали недоумённо хлопает ресницами.

Почему я чувствую фальшь?

Несколько раз ударив ногтем по подлокотнику, я задумчиво спрашиваю:

– Лали, что ты видишь на столе? Если новая экономка

узнает, разве тебя не уволят?

– Госпожа, я боялась вас тревожить. Простите! Я сейчас же уберу.

Качнув головой, я останавливаю Лали:

– Сперва принеси мне чаю. Скажи на кухне, чтобы приготовили куриный бульон, – и, немного подумав, добавляю. – С яйцом.

Думаю, я осилю выпить.

Лали смотрит на меня странно, долгое мгновение она просто столбом стоит на пороге и уходит лишь после того, как я вопросительно приподнимаю бровь. Лали плотно закрывает за собой дверь.

А девочка изменилась...

На комоде мерно тикают часы.

У Лали на выполнение поручений уходит подозрительно много времени, но в конце концов она действительно приносит чай, не забыв разместить на подносе сахарницу и тарелочку с сухим печеньем. Я приказываю поставить поднос рядом со мной прямо на диван. Да, это немыслимое нарушение этикета, но до стола я не доползу.

– Как скоро будет готов бульон? Принеси мне влажное полотенце, Лали, – я не в состоянии принять ванну, но хоть оботру лицо и руки.

– Бульон начнут готовить, – неопределённо отвечает Лали, не скрывая полнейшего безразличия.

Хах, она больше не на моей стороне.

Лали приносит полотенце и забирает со стола испорченные продукты. Она уходит... и больше не возвращается, ни через полчаса, ни через час, ни с бульоном, ни без него.

За окном сгущаются сумерки. Я хмурюсь. Что происходит? Какую бы власть в доме ни получила так называемая экономка, помешать мне выгнать личную горничную она не сможет. Я отправляю в рот последнюю печенюшку и медленно рассасываю. После перекуса мне стало капельку легче. Вместе с печеньем кончается и терпение, я поднимаю колокольчик, звоню.

Шагов не слышно, тишину тревожит только звон.

Сколько бы усилий я ни прикладывала, никто не приходит на зов. Возможно, мне следует перебраться в будуар, взять украшения и... покинуть дом? Я думаю, я смогу добраться до врача, отдать драгоценности за лечение. Со всеми остальными проблемами я буду разбираться после того, как поправлюсь.

Я отбрасываю колокольчик. Стихает жалобный звяк.

Сейчас я встану... Нет, не встану – что-то слышу.

Шаги. Тяжёлые, дробные. Идущие, их двое или трое, будто гвозди заколачивают.

Предчувствия самые нехорошие – видимо, с побегом я опоздала. Дверь распахивается. Первым входит Рей, и за ним следуют два бородача неприглядной наружности. Оба заросшие, обрюзгшие и вносят в комнату вонь дешёвого курева. Тот, что повыше, обезображен рваным шрамом. Низкорос-

лый крепыш сжимает в лопатообразных ручищах верёвку.

Сглотнув вязкую слюну, я стараюсь скрыть охвативший меня страх. Вид у бородачей откровенно бандитский. Думаю, я знаю, для чего им нужна верёвка, и знаю, что после стольких дней отказа от еды я слишком слаба, чтобы сопротивляться троим. Отчаяние захлёстывает с головой, но мой голос звучит достаточно равнодушно, ровно:

– Рей?

– Твоя служанка сказала, что ты захотела бульон? – он спрашивает как будто дружелюбно.

– Хм?

Он качает головой:

– Я хотел позволить тебе уйти мирно.

Может быть, мне попросить прощения? Вынуждаю беднягу марать руки. Я усмехаюсь и жалею, что на подносе нет ножа, только чайная ложка – умереть в один день было бы сказочно, не так ли?

– Я хочу уйти... в монастырь, – надежды нет, но я цепляюсь за призрачный шанс.

– Нет, Дара. Пока я зять мятежного князя, пока ты жива, в каком бы монастыре ты ни пряталась, мне не подняться по карьерной лестнице.

Он делает шаг ко мне.

– Это причина? Ни малейшего желания платить жизнью за твои карьерные успехи.

– Ты меня больше не любишь? – притворно удивляется

он. – Тогда как насчёт более весомой причины? Хотя в тебе не проснулся родовой дар, ты всё ещё прямой потомок первого князя Кокберга. Твой ребёнок всё ещё может родиться одарённым.

Неужели Рей оправдывается? Хах, он тоже по-своему жалок.

В последнее время я почти не следила за новостями, но краем уха слышала, что и в других княжеских семьях начались некоторые проблемы. Так это звенья одной цепи?

– Я заставлю тебя ответить, даже если мне придётся стать призраком, – улыбаюсь я.

– Не вини меня, Дара. Если бы ты продолжала голодать, я бы тебе ничего не сделал.

Мне следовало бежать вовремя...

– Будь ты проклят, Рей.

– Действуйте.

Рей просто отворачивается и выходит из комнаты. Дверь остаётся приоткрытой, но он не оборачивается, так и стоит спиной, спокойно ждёт моего финала. Неужели он даже не дрогнет? Наивно, но я бы испытала что-то похожее на уважение, если бы он остался и смотрел мне в глаза.

О чём я вообще?

Крепыш накидывает мне на шею верёвку, затягивает петлю.

Перед глазами темнеет, но свои последние слова я произношу твёрдо:

– Не прощу.

Сердце колотится в груди, отдаётся в ушах набатом, кровь словно закипает. Забавно, но именно так брат описывал пробуждение родового дара. Брат получил власть над огнём. Ах, хотела бы я спалить дотла ставший мне ловушкой особняк, не оставить ничего, кроме пепелища! Только слуги и экономка с ребёнком пусть спасутся, они не виноваты. По крайней мере, любовница Рея не виновата в том, что он решил меня повесить.

Огонь бушует в крови, но ничего не происходит. Может быть, я настолько слаба, что даже с собственной магией совладать не могу?

Ха...

Я путаю мечту с действительностью, да? Я проваливаюсь в бескрайнюю пустоту, в которой нет ничего, кроме кипящей в душе огненной лавины. Бушующее пламя ревёт вокруг и подобно горному потоку утягивает за собой в неизвестность. Боли нет, как нет и ощущения падения. Наверное, это правильно – в безвременье боль просто не должна существовать.

Честно говоря, я представляла смерть иначе. Легенды описывают блестящую лунную тропу, ведущую в обитель Белой богини, но взгляд упирается в светлую, украшенную лепниной преграду в десятке шагов впереди. Я не сразу осознаю, что вижу обычный потолок. Белый, без копоты – пожара, как я представляла, не случилось.

Но я жива?!

Я хватаюсь за шею – ни верёвки, ни рубца. Прежняя слабость тоже исчезла бесследно. Я сажусь, верчу головой и запоздало пугаюсь – если подельники Рея рядом, а я выдала себя... К счастью, я в одиночестве и почему-то... в моих девичьих комнатах. Кто-то спас меня и перенёс в родной дом, вылечил? Но почему неведомый благодетель бросил меня на пол, словно я потеряла сознание и соскользнула с кресла?

Под руку попадают страницы. Подняв журнал, я узнаю “Светскую хронику”. Выпуску больше года, но журнал выглядит новеньким, будто только из типографии. Я бы не удивилась, если бы подброшенный выпуск касался меня, но, пролистнув, я не нахожу статьи о моей позорной выходке перед крыльцом.

Так...

Отложив журнал на сиденье кресла, я поднимаюсь и прислушиваюсь к ощущениям.

– Княжна!

Внезапный выкрик пугает, я вздрагиваю.

В комнату вбегает Лали, улыбчивая, задорная, совсем такая, какой я её знала. Я растерянно смотрю на неё. Она действительно посмела прийти ко мне как ни в чём не бывало после того, как доложила обо мне Рею? Она могла бы послушно принести еду и помочь мне добраться до врача, но она предала, и Рей привёл убийц.

– Лали, – мой тон холоднее нетающих ледников севера.

Она хлопает глазами. Недоумение живо отражается на её миловидном личике, но быстро сменяется широкой улыбкой. Лали подбегает ко мне, хватая за руки, заглядывает в глаза:

– Госпожа, не расстраивайтесь! Я уверена, что князь поймёт ваши чувства.

Что она несёт? Папа мёртв...

Лали продолжает болтать, она хвалит Рея за доброту, ум, смекалку, восторгается нашими чувствами, обещает, что князь непременно уступит, уговаривает потерпеть. Она горячо заверяет, что мне достался самый лучший мужчина на свете, такой трепетный, нежный, честный. Я обязательно буду с ним счастлива. А она, Лали, так рада за меня!

– Лали, – я пытаюсь прервать хвалебную оду в адрес Рея. Меня воротит.

– Госпожа, вы ещё не знаете? Я как раз бежала, чтобы рассказать. Господин Рей Лотт прямо сейчас стоит у парадного крыльца.

– Что?

Я... не понимаю.

Лали вспыхивает и сверкает чистейшим восторгом будто праздничный фейерверк.

– Госпожа! Господин Лотт просил у князя вашей руки. Князь рассердился, и отказал господину Лотту от дома, но господин Лотт любит вас безмерно и никогда не сдастся. Он преклонил колено перед резиденцией, стоит на булыжниках

мостовой перед парадным крыльцом. Госпожа, вы должны увидеть, что ради вас делает господин Лотт, честное слово!

Я сплю?

Лали нетерпеливо скачет вокруг меня точно игривый щенок. Я помню... Когда я услышала, что Рей встал на одно колено, я была вне себя. Именно Лали посоветовала мне выйти и встать рядом с Реем. Она уже тогда была не на моей стороне?

Пока я безуспешно собираю разбегающиеся мысли в кучу, Лали тянет меня в коридор. Я не сопротивляюсь, позволяю привести меня в Малую гостиную на втором этаже. Из окон как раз открывается вид на улицу. Лучась восторгом, Лали сдвигает штору. Она не солгала. Я вижу Рея.

Слишком реалистичный сон. И сон ли? Пробудившись, родовая магия проявляется в каждом из потомков по-особенному: брат повелевает огнём, папа – тенями убитых предками чудовищ, а про прабабушку рассказывают, будто она была способна посылать свою душу в путешествие и, оставаясь невидимкой, подглядывать и подслушивать. Не удивительно, что прабабушка возглавляла Тайную канцелярию.

Но я ни разу не встречала упоминания о возможности отмотать время вспять. Я могу себе верить?

– Госпожа, это же шанс! Если вы сейчас попросите о браке вместе с господином Лоттом, князь точно не сможет отказать!

– Да, это шанс, – соглашаюсь я.

Шанс переписать судьбу, спасти родителей и брата.

Проблема в том, что не Рей мой главный враг. Рей лишь исполнитель, всего лишь проводник тайной воли правящей семьи. Мой настоящий враг сидит на троне.

Глава 2

– Госпожа? Я слышала, что господин Лотт обещал стоять до тех пор, пока князь не передумает! Опирайтесь коленом на острые булыжники... Господин Лотт так упрям, ради вас он будет стоять вечность, даже если в конце концов лишится ноги. Вы... не вмешаетесь?

Лишится ноги?! Я бы посмотрела.

Я касаюсь подушечками пальцев стекла, смотрю на мужчину, в которого была влюблена, которому верила. Впрочем, я верила не только ему. Я доверяла Лали. С каким энтузиазмом она подталкивает меня в спину! Лали, как давно ты продалась? Неужели я плохо с тобой обращалась? Неужели сиюминутная выгода значит больше служения княжеской семье?

Пожалуй, у меня нет желания искать ответы.

Я отворачиваюсь от окна.

– Лали, ты знаешь, где князь?

– Князь..., – она теряется.

Моё решение её явно не по вкусу. Если я выбегу на улицу как сумасшедшая и преклоню колени, ловушка захлопнется. Но я выбираю безопасный путь.

– Да, Лали, где князь?

– В кабинете, госпожа. Госпожа, но разве князь уже не отказал вам? Если вы выйдете...

Ха!

– Лали.

Я всегда была с Лали дружелюбна, и сейчас она впервые слышит от меня обвиняющий тон.

– Г-госпожа?

– Подумай снова, Лали. Ты советуешь мне стать посмешищем для всей столицы? Ты советуешь мне опозориться? Опозорить родителей, дом, род Кокберг? Может быть, ты забыла, что есть честь?

Лали отступает на шаг, качает головой, твердит что-то невнятное.

Я игнорирую.

Она сказала, что папа в рабочем кабинете. Я останавливаюсь в начале коридора, у эркера, и указываю на широкий подоконник. Под видом заботы, я не позволю ей стоять под кабинетом и подслушивать. Лали всё ещё достаточно ошарашена моим внезапным нападением и не осмеливается спорить.

Не хочу о ней думать...

Я думаю только о папе, и к кабинету иду нетвёрдой походкой. Меня качает от страха. Я боюсь открыть дверь и проснуться, проснуться в будущем, где папы уже нет. Сердце стучит, пульс грохочет в ушах. Я глубоко вдыхаю. Если я открою дверь и проснусь – это будет платой за мои ошибки.

Постучавшись, я не дожидаясь ответа, у меня не хватит воли, и врываюсь в кабинет, с грохотом захлопываю дверь.

Щёлкает замок.

Пап сидит за столом, склонившись над бумагами.

Папа откладывает документ.

– Иси?

Я тяжело сглатываю. Комната расплывается в пелене слёз.

Я по-настоящему задыхаюсь. Меня душит петля? Нет, я действительно вернулась. Я подбегаю к папе и, как в детстве, бросаюсь к нему на шею.

В детстве папа бы сразу обнял меня, подхватил на руки, подкинул к потолку, рассмешил до счастливого визга. Сейчас он неловко приобнимает меня. Кажется, он не знает, что со мной делать.

Я заставляю себя успокоиться. Мне нужно держать себя в руках, если я не собираюсь рассказывать правду о своём возвращении. Обрушить на папу всю свою боль так легко... И так бессмысленно. Разве папа, всей душой и всем сердцем преданный правящей династии, сможет принять мою правду? Прежде, чем открывать рот, я должна обдумать последствия. Не стоит рассчитывать, что я смогу исправлять ошибки бесконечно.

– Па...

– Иси, ты плачешь? Дочка, не надо.

Как приятно слышать своё домашнее имя. Рей называл меня Дарой, будто хотел отобрать мою связь с семьёй, с родом.

– Нет.

– Вот и не надо. Я сдаюсь.

– Что?

– Иси, я много раз говорил тебе, не считаю Рея Лотта хорошим вариантом, но... Твои слёзы разбивают мне сердце. Я не буду больше возражать. Прикажи проводить его сюда.

Что?!

Я вскакиваю:

– Нет необходимости!

– Иси?

– Просто... Я думаю – а вдруг ты прав? Пап, ты ведь знаешь, что господи Лотт сейчас перед парадным крыльцом? Если бы он приходил и добивался меня или даже встал на колени в холле... Сейчас он не смирение и любовь показывает, а устраивает шумиху. На улице толпа собралась. Зачем он нас позорит? Он бросает тень на мою репутацию, а это неправильно. Он не должен был так поступать. Давай подождём? Лучше расскажи, чем занят? Мы, кажется, давно не проводили время вместо просто так.

Я присаживаюсь на подлокотник и беру первый попавшийся документ. Папа не возражает моей бесцеремонности. Смотрит на меня с улыбкой, в глазах – родительское тепло. На миг ощущение дома захватывает меня, но быстро тает. Родные стены не защитят, когда правящая семья возьмётся за нас всерьёз.

Папа выкладывает передо мной четыре письма:

– После возвращения “Солёной каракатицы” многие заин-

тересовались северным маршрутом. Я собираюсь вложиться в экспедицию.

Да, было такое.

Капитан, которого папа выберет, потеряет все корабли. Была ли неудача случайной или звеном цепи рукотворных несчастий? Насколько я помню, наши потери не были особо велики. По крайней мере, вкладывая, папа учитывал малую вероятность успеха.

– Вот, – указываю я. – Почему бы не выбрать капитана Шайса?

Парнишке двадцать лет, его корабль легковесная манёвренная скорлупка, доверия совершенно не заслуживает, но именно капитан Шайс будет единственным, кто добьётся успеха. Его скорлупка проскользнёт там, где крупные суда-грузовозы застрянут. Северный маршрут – это, прежде всего, лабиринт из скал и айсбергов.

– Его предложение...

– Безумно? Пап, а давай поспорим, что он победит? Раз я предлагаю, то как насчёт того, чтобы использовать моё приданое? Будет справедливо, не так ли?

Я беру из стопки чистый лист и принимаюсь писать ответ.

В будущем, если я не смогу защитить свою семью здесь, будет достаточно, если мы покинем Вадор, и свой капитан в бегстве морем нам пригодится.

Папа наблюдает за мной с улыбкой. Кажется, в его глазах

я ничем не отличаюсь от девочки, играющей в куклы, только вместо деревянных марионеток живые моряки.

Я завершаю письмо капитану и пишу приказ управляющему.

– Хорошо, Иси, – папа смотрит на меня с гордостью. Как на пятилетку, рассказавшую наизусть детский стишок.

Учитывая моё поведение, ничего удивительного, что папа не считает меня взрослой. Чего уж там, я себя прошлую тоже взрослой не считаю.

– Пап, ты на сегодня закончил с делами? Или нет? Тогда я помогу!

“Помогу” – достаточная угроза, чтобы папа не только торпливо покачал головой, но и спрятал документы в сейф.

Я подхватываю папу под руку и тяну прочь от двери, уговариваю подышать свежим воздухом. Папа, естественно, не возражает, и мы выходим на открытую галерею, тянущуюся вдоль второго этажа до бокового крыла. Через галерею можно спуститься в сад или попасть в гостиную.

Прятаться от собственной горничной глупость несусветная, но я хочу скрыть, что разговор окончен. Главное, я не хочу, чтобы Лали догадалась, что это я отказалась от Рея, не хочу, чтобы она передала мой отказ ему и спровоцировала новые неприятности.

Пусть сидит в эркере и терпеливо ждёт.

Рей, а насколько хватит твоего терпения? Я чувствую, как на губах расцветает несвойственная мне злодейская ухмыл-

ка. Будет ли Рей стоять до глубокой ночи или до самого утра?
Какие шаги он предпримет теперь?

Устроившись на диване рядом с папой, я пью вечерний чай, болтаю о пустяковых модных шляпках, слушаю о карьерных успехах брата и перебираю в уме факты.

Правящая династия не менялась с момента создания княжества.

Легенда гласит, что несколько веков назад Дарен Вадор прибыл на захваченный чудовищами полуостров. За ним следовали его рыцари: капитан Лайз Фитан, Аарон Кокберг, Тамиран Ярес, Бион Арден и Вий Шерс. Бесстрашным героям удалось очистить храм Белой богини, и в благодарность богиня не только даровала героям магию, но и благословила на основание княжества. Дарен Вадор стал правителем, Великим князем, рыцари получили титулы князей и стали надёжной опорой новорожденного государства.

Правда в том, что дар богини действительно передаётся из поколения в поколение в старшей ветви рода. Папа способен призывать тени убитых предками чудовищ, брат повелевает огнём. Я считаюсь редким исключением, как моя прапрабабушка. Когда мне исполнилось шестнадцать, родовой артефакт показал, что я пуста. Дар проснулся позже или чудо было одноразово? Сейчас не имеет значения.

Прошлый Великий князь умер бездетным, у него не было ни братьев, ни сестёр.

Ходили слухи, что власть должны получить потомки ка-

питана Лайза Фитана, как второго в легендарной команде. Однако Великий князь завещал корону своему кровному родственнику из боковой ветви. Надеялся ли Великий князь, что магия проснётся хотя бы в детях преемника? Мой папа безоговорочно принял волю Великого князя и присягнул неударённому преемнику. На самом деле, чтобы править, по мнению папы, нужны честь, доброе сердце и ясный ум. Уж точно не магия.

А вот Фитаны с завещанием не согласились, объявили документ подделкой, противоречащей воле Белой богини, попытались совершить государственный переворот. Никто из оставшихся княжеских семей Фитанов не поддержал, бунт был подавлен, бунтовщики... казнены.

Теперь, когда я думаю обо всём этом, я совершенно не удивлена, что нынешний Великий князь хочет уничтожить четвёрку оставшихся князей. Он... боится. Боится за себя, за свою власть, боится следующего мятежа, ведь ни принц, ни принцесса так и не смогли получить благословение Белой богини.

Как по мне, решение глупейшее. У княжества нет армии. Холёные гвардейцы, умеющие только дворцовые стены подпирать, не в счёт. Если избавиться от князей, то кто защитит границы от вечно голодных, жадных до земель соседей? Если задумка Великого князя удастся, если нас, магов, не станет, то Вадор неизбежно лишится независимости.

Но это мне очевидно, а Великий князь думает по-своему.

Столкновения... не избежать.

Так хочется рассказать, но беда в том, что мои предупреждения для родителей прозвучат блажью маленькой капризули, детскими страшилками, чепухой. Папа слишком предан короне, чтобы поверить мне без доказательств. К тому же он сам по себе слишком честный и прямой, подковерные интриги для него не более, чем шелуха и абсурд.

Мне придётся справляться самостоятельно, по крайней мере, пока я не получу достаточно весомых доказательств. И начать следует с родового артефакта.

Постепенно в моей голове рождается план.

– Мы засиделись, – мама откладывает вышивку и первой поднимается.

За окном ночь, стрелки на часах показывают приближение полуночи.

– Доброй ночи, – улыбаюсь я и целую сначала родителей, а потом и брата в щёку.

Брат ошарашенно хватается за лицо.

Разве можно, глядя на него, не рассмеяться?

В комнаты я возвращаюсь в приподнятом настроении. Я чувствую себя по-настоящему счастливой, как никогда в обеих жизнях. И натываюсь на Лали.

Догадавшись, что сидеть в эркере бесполезно, она вернулась и обиженно дует щёки. На самом деле Лали умеет себя вести подобающе, но раньше мне казалось, что искренние

эмоции, когда мы наедине, это мило.

Я прохожу, не обращая внимания на притворную обиду. Лали бросается следом:

– Господин Лотт так долго ждал! Он так предан вам, госпожа.

– Я должна верить, что он справится, не так ли? Поскольку он сам принял решение, я не должна унижать его жалостью.

Лали помогает мне переодеться ко сну. Моя отповедь ей как об стенку горох, Лали продолжает ворчать и жаловаться, намекая на моё жестокосердие. Конечно, я могу приказать ей замолчать, но я не хочу – я хочу получить повод её уволить. Моего желания достаточно, чтобы сместить Лали с позиции моей личной горничной, но я опасаюсь, что мама пожалеет девочку и оставит в доме. Именно поэтому мне нужен весомый повод.

– Спокойной ночи, госпожа.

Лали, наконец, уходит.

Её пожелание будто проклятье. Я ворочаюсь, снова и снова возвращаюсь в кошмары будущего, воспоминания мешаются со сновидениями, и я просыпаюсь в холодном поту, чтобы снова провалиться в кошмар.

Утром я встаю совершенно разбитая.

За окном дождливая серость. Я поворачиваюсь на бок. И тотчас слышу голос, который скоро начну ненавидеть.

– Госпожа, вы проснулись? Доброе утро! – от вчерашней обиды не осталось и следа, Лали сияет.

– Принеси мне кофе, – приказываю я.

Заморский напиток популярен у наших соседей, в Вадоре традиционно предпочитают чай, но мне нужно взбодриться.

– Да, госпожа! Её высочество прислала приглашение, – Лали подаёт мне конверт.

Я резко сажусь.

Послание принцессы бодрит, как никакому кофе не снилось. Я точно помню, что в прошлой жизни не получала никакого приглашения. Её высочество ограничилась горячим поздравлением, когда дата моей с Реем свадьбы была назначена официально. Поскольку я была опозорена, в предварительной помолвке не было смысла.

В прошлом я считала принцессу подругой и не заботилась о том, что мы сблизилась подозрительно быстро. Хах, её высочество Габриэль была той, кто свела меня с Реем, и именно она подогрела мою влюблённость. Фрейлины на чайных посиделках только и вздыхали, какая я счастливая, как мне в этой жизни повезло. Я верила...

Я вскрываю конверт. Принцесса приглашает меня на полуденный чай в саду, и это связано с тем, что вчера я избежала ловушки.

Видимо, Рей сообщил о провале наследному принцу, тот в свою очередь передал новость сестре, и она собирается принять меры. Она готовит новую ловушку?

Я бы предпочла сказать себя больной, чтобы избежать ненужного мне неприятного визита, однако с Лали под бо-

ком нечего и думать о том, чтобы соврать.

Ехать придётся.

– Кофе, Лали, кофе.

Горничная опрометью выбегает из комнаты, и я невольно задумываюсь, готова ли Лали только шпионить за мной, всем домом ради Рея или не погнушается подать яд? В любом случае начинать устранение семьи Кокберг с меня королю не выгодно, ведь я считаюсь бездарной дочерью, но горячо любимой.

– Ваш кофе, госпожа.

– “Светская хроника”?

– Одну минуту.

Кофе Лали подала идеально – на постельном столике. Я подхватываю молочник, разбавляю чёрную горечь молоком и сахаром. Лали пристально наблюдает за мной, хмурится. Я же спокойно делаю первый глоток и открываю журнал.

– Госпожа, а как же приглашение принцессы?

– Лали.

После устроенного Реем представления я должна знать, насколько сильно пострадала моя репутация на этот раз. Что пишет обозреватель? Лучше бы, ничего не писал, но это невозможно. Первый разворот всегда посвящён официальным и полуофициальным новостям дворца. Я просматриваю лишь мельком: ни званый ужин с участием имперского посла, ни рождение первенца в боковой ветви мне не интересны.

Второй разворот – светские новости: официальные сообщения о помолвках, благотворительность, встречи в салонах, скачки. Выходка Рея упомянута. “Господин Рей Лотт, чьи заслуги высоко оценил его высочество принц Джерден, посватался к княжне Кокберг, несмотря на принадлежность к старшей ветви рода, не получившей благословения богини. Дом Кокберг хранит молчание. Подробности в номере”.

Что я только что прочитала? Ни слова лжи, но факты поданы так, будто Рей для меня вполне достойная партия, а молчание – это ни что иное, как пустое высокомерие.

Я переворачиваю страницу. Третий разворот всегда отдаётся центральной статье номера. Прошлый раз именно третий разворот рассказал свету о моём позоре. В этот раз статья тоже здесь, темы важнее не нашлось.

Обозреватель красочно и со вкусом рассказывает, как влюблённый господин Рей Лотт, коленопреклонный простоял перед домом Кокберг до глубокой ночи, но в ответ на свой искренний сердечный порыв, получил лишь холод. “Может быть, в глазах Кокбергов признанный принцем Джерденом талантливый молодой человек, которому пророчат головокружительную карьеру, пустое место?”

Пфф!

Разве принц позволит жить кому-то кто знает правду об уничтожении княжеской семьи? Лично я уверена, что Рей бы меня не надолго пережил.

Кофе кончается, статья – тоже. Я удовлетворённо пере-

ворачиваю страницу. Как обозреватель ни пыжился, он так и не смог написать ничего по-настоящему плохого. Высокомерие свет простит, ошибки – нет.

К сожалению, статья не дала мне подсказки, чего можно ожидать от принцессы.

– Вы как будто изменились, госпожа.

– Я расстроена из-за Рея Лотта, – пожимаю я плечами.

– Вы обязательно будете с ним вместе, госпожа! Любовь, как у вас с ним, должна быть счастливой, вот увидите!

Уже видела. Спасибо, но мне не понравилось.

– Рей вчера создал трудности моей семье, Лали. Я недовольна им.

Может, получив таким образом предупреждение, Рей хотя бы на время притихнет?

Я пролистываю “Светскую хронику” до конца, но больше ничего интересного не нахожу. Время поджигает, опаздывать на чаепитие к её высочеству дурной тон, и я откладываю журнал. Лали, надо признать, очень быстро помогает мне привести себя в порядок. Пока я наспех завтракаю, Лали собирает мои волосы в воздушную причёску, закалывает несколькими шпильками.

Экипаж уже ожидает внизу.

– Мне не нужно идти с вами, госпожа?

Чаепитие в саду не бал, провести горничную с собой не получится, если бы Лали поехала, то ей пришлось бы ждать в экипаже. Нет причин тащить её с собой, но раньше Лали

всегда стремилась поехать.

– Кажется, ты тоже изменилась.

– Простите, госпожа, у меня красные дни.

– Тогда отдыхай, – киваю я. Разумеется, я не полезу в трусы проверять, хотя уверена, что Лали врёт. Думаю, она хочет отчитаться перед Реем.

Не важно.

Экипаж трогается.

Ехать до дворца недалеко, но я всё равно немного припаздываю, и в полдень, когда я должна уже быть в саду, я ещё только предъявляю гвардейцам приглашение. Мне не требуется сопровождение, во дворце я ориентируюсь достаточно свободно, гвардейцы спокойно пропускают меня.

Из холла я поворачиваю в Галерею парадных портретов, через неё быстрее всего добраться до нужной мне террасы. Галерея традиционно безлюдна, только почившие Великие князья смотрят со стен и словно укоряют. Меня? Последнего прямого потомка? Я приподнимаю подол и бегу. Запыхавшись, я легко скрою за одышкой своё истинное отношение к принцессе. Я боюсь, что самоконтроль подведёт меня, и Габриэль увидит моё истинное отношение.

Я совершенно не ожидаю, что окажусь в галерее не одна. Перед портретом легендарного Дарена Вадора, склонив голову набок, стоит брюнет. Царственная осанка, презрительный прищур, руки небрежно заложены за спину и пальцы сцеплены в замок.

Мои шаги гулко отдаются от стен.

Брюнет медленно поворачивается, и я невольно думаю, что уроки высокомерия нужно брать именно у него.

Мы не были представлены друг другу, но я знаю, кто этот брюнет. Он ни кто иной, как посол империи Таэль, граничащей с Вадором и мечтающей, как они говорят, “воссоединиться с полуостровом”.

До того, как храм Белой богини был захвачен чудовищами, полуостров действительно входил в состав империи.

Я останавливаюсь, будто на стену налетаю. Посол – фигура весомая. Могу ли я использовать его для защиты семьи? Это будет называться государственной изменой, да? Но я не собираюсь стесняться! Звучит по-детски, но правящая семья первая совершила предательство.

Может, завещание последнего Великого князя и впрямь было подделкой?

Наверное, я слишком пристально рассматриваю посла. Он насмешливо изгибает полные губы:

– Леди, я настолько хорош, что вы влюбились с первого взгляда? – в голосе неприкрытая насмешка.

Стройный, поджарый, черты лица, что называется, породистые. Его глаза завораживают – чёрные, как безлунная ночь, совершенно лишены естественного блеска. Кровь... демонов?

Что он там спросил?

Я медленно приближаюсь к брюнету. Вблизи видно, что

волосы струятся мягкой волной. На ум невольно приходит сравнение – Рей иногда позволял себе ходить с сальными. Кажется, господин посол удивлён, да? Я улыбаюсь.

Коснувшись его плеча, стряхиваю невидимую пылинку.

Его глаза широко распахиваются. Он задерживает дыхание.

– Господин, вы скоро лопните от самодовольства.

Я не лгу. Вскоре этот холёный высокомерный тип найдёт свою смерть. Он будет разорван дикими зверями на ближайшей Великокняжеской охоте.

Глава 3

– Неужели?

– Хей, я предсказала вам близкую смерть. Вы могли бы быть посерьёзней.

Его взгляд становится острым, совсем не таким, какой ожидаешь от высокомерного лорда, услышавшего в свой адрес очень злую шутку. Самое поразительное, что господин посол совсем не злится, а ведь при желании он мог бы раздуть мои слова в международный скандал. Я только сейчас сообразила... Или не мог? Свидетелей-то нет.

Он повторяет мой жест, стряхивает несуществующую пылинку уже с моего плеча. Но если у него рукав длинный и из плотной ткани, то у меня летящий рукав-крылышко. Его пальцы словно невзначай соскальзывают по моей обнажённой коже.

От мужчины приятно пахнет кофе...

Простейший жест, но у меня дыхание перехватывает. Я злым шлепком ударяю его по ладони, но в результате только прижимаю его пальцы к себе. Лорд искренне хохочет:

– Госпожа, вы очаровательны, когда похожи на разъярённого котёнка. Не назовёте своё имя, раз уж мы оказались в столь... интимной ситуации?

– Оу? Господин таэльский посол не может узнать высшую аристократку страны визита? Неужели господин посол

некомпетентен?

Я, наконец, разрываю дистанцию и иду прочь. Сердце бешено колотится. Я всерьёз опасаясь, что он попытается меня остановить. Иногда отсутствие свидетелей отнюдь не благо.

Сейчас нет, а в будущем после следует иметь в виду и... использовать.

До выхода из Парадной галереи всего несколько шагов. Посол меня не преследовал, но на выходе меня догоняет его смешок:

– Кто сказал, что я не знаю? Княжна Иси, вы так и не ответили на мой вопрос. Вы влюбились в меня с первого взгляда?

Ха!

– С десятого!

– Начинаю отсчёт, княжна Иси.

Он смеет называть меня домашним именем? Наглец!

Я нарочно захлопываю дверь с грохотом и понимаю, что он вывел меня из себя. Нет, я, конечно, сама дала волю эмоциям, в душе буря, и в таком состоянии просто нельзя появляться перед принцессой. А ещё я из-за задержки непозволительно опаздываю.

Плохо!

Я сворачиваю с дорожки и останавливаюсь в тени дерева. В стороне начинается хозяйственная часть. Кажется, прачечная, но я могу ошибаться.

– Девушка! – зову я, заметив служанку в форме низшей горничной.

– Л-леди?

Возраста Лали, испуганная моим обращением, меня не узнала... Полагаю, она не способна ни на что, кроме своей работы.

– Мне дурно. Ты можешь принести мне воды?

– Я... Л-леди...

Чего я и ожидала.

– Тогда просто проводи меня!

Если я появлюсь в сопровождении случайной горничной, сошлюсь на скверное самочувствие после волнительного вечера и бессонницы, принцесса вряд ли заподозрит, что я прозрела.

– Д-да, леди.

Я хватаюсь за её руку, слегка наваливаюсь, но не так, чтобы девочке было тяжело. Главное, чтобы со стороны я выглядела полуобморочной.

– Мне туда нельзя, – пугается горничная, когда я сворачиваю на тропинку в сад, где принцесса устроила чаепитие.

– А бросить леди в кусты можно?

Горничная больше не осмеливается возражать.

Моё появление быстро замечают, из беседки мне навстречу устремляются три младшие фрейлины.

– Княжна Исидара?

– Белая богиня, что с вами?

– Нужен доктор?

Горничная застывает. У неё словно ноги отнялись.

– У меня закружилась голова, а эта милая девочка меня проводила. Я боюсь, если бы не она, я бы не справилась. Одна из фрейлин тотчас предлагает мне локоть. Горничная получает пару слов похвалы и опрометью бросается прочь от пугающего её высокого общества.

Я, притворяясь умирающей лебедью, добираюсь до беседки.

– Белая богиня, княжна! – принцесса выглядит искренне взволнованной.

– Прошу прощения, у меня голова закружилась, – торопливо извиняюсь я. – Мне уже гораздо лучше. Видимо, я вчера переволновалась, – надеюсь, звучит правдоподобно.

По знаку принцессы старшая фрейлина подаёт мне чай, и я горячо благодарю.

– Не извиняйтесь, княжна. Леди не дадут соврать, мы все вам очень сопереживаем. Господин Лотт так трогательно просил вашей руки. Признаться, когда я только услышала, я подумала, что мы сможем поздравить вас с благополучным разрешением, однако князь Кокберг остаётся холоден даже к такому проявлению чувств. Всё равно, вы такая счастливая!

Нет.

В прошлом я бы согласилась, но теперь, когда я знаю цену сладким словам...

Прямо сейчас я не могу избавиться от Рея насовсем, но могу извлечь из положения хотя бы небольшую пользу.

Покачав головой, я возражаю:

– Ваше высочество, вчера Рей Лотт поступил очень... неосмотрительно. Я понимаю, что он действовал из лучших побуждений. Но разве такой талантливый человек не должен был задуматься о последствиях? Теперь в “Светской хронике” наша семья представлена высокомерными снобами, на мою репутацию брошена тень. Говоря откровенно, я разочарована. Уверена, папа отнёсся бы лучше, если бы Рей не сделал частные вопросы достоянием публики.

– Любовь ослепляет и заставляет совершать глупости, – леди Аль, старшая фрейлина, снисходительно отмахивается от моих обвинений.

Хорошо, что это она, а не принцесса лично.

– Не говорите так, леди. Влюбиться может каждый, но я убеждена, что её высочество никогда не позволит себе глупостей. В конце концов, оправдывая господина Лотта таким образом, разве вы не принижаете его, ровняя с простолюдином?

На первый взгляд может показаться, что я защищаю Рея, но на самом деле я снова возлагаю на него вину за недопустимое поведение. Эх, хотела бы я сказать, что он оскорбил меня, но чрезмерно яркая реакция вызовет у принцессы слишком много вопросов. Не стоит спешить.

– Княжна, почему бы вам не сказать господину Лотту пару слов? Уверена, он не станет вас расстраивать. Хотя... Поскольку мы все здесь подруги, я скажу то, чего не должна говорить. Леди, вы ведь сбережёте мои слова в тайне?

– Разумеется, ваше высочество.

– Конечно, как же иначе, – подхватывает хор фрейлин.

Я вынуждена кивнуть.

– Правила важны, но иногда, нарушив их, можно выиграть. Княжна, я люблю вас как свою родную сестру. Как участная к зарождению вашей с Реем Лоттом любви, я чувствую ответственность. Я готова помочь вам и обещаю справиться с последствиями.

У меня внутри всё холодеет.

Разве она не предлагает мне подставиться? Принцесса не лжёт. Если меня застукают с Реем и я выйду за него замуж, то свет сохранит ко мне доброжелательное отношение. Меня заклеят гулящей, если Рей откажется жениться. Естественно, он этого не сделает, его цель брак.

Предлагает сразу после того, как я сказала, что честь важнее любви?

Я была феерически глупа. Хах, я прозрела только с петлёй на шее. Отвратительно.

– Я должна принимать во внимание чувства родителей. На самом деле я уверена, что папа уступит через некоторое время. Если бы не вчерашняя выходка, папа бы признал настойчивость господина Лотта, – надо притормозить любые инициативы.

– Вы обязательно должны стать счастливой, княжна. Я буду молиться Белой богине за вас.

Принцесса отступила?

Я благодарю.

Прерванное моим появлением чаепитие продолжается. Больше принцесса не говорит о Рее, беседа крутится вокруг нарядов к предстоящей Великокняжеской охоте.

Я вдруг ловлю себя на интересной мысли.

Между княжескими семьями никогда не было противостояния, но не с подачи ли принцессы между княжнами началось “шляпное соревнование”? С недавних пор в салоне, где одевается княжна одной семьи, ни за что не появятся дочери других княжеских семей.

Хм, а я теперь знаю, каким будет мой следующий шаг.

Ароматы выпечки мешаются с ароматами садовых цветов и щекочут нос. Нежнейшие бисквиты и воздушные меренги, фруктовые тарталетки и кремовые корзиночки – десерты, приготовленные лучшим кондитером княжества, меня больше не радуют, чай кажется горячей водой, подкрашенной коричневой краской. Я лениво слизываю взбитые сливки. Плохой аппетит объяснится плохим самочувствием, но ближе к концу встречи я притворяюсь, что оживаю:

– Признаться, я ещё не заказывала охотничий костюм.

– Ничего удивительного, – тотчас откликается принцесса. – Если бы папа отказал любящему меня молодому человеку, я бы тоже волновалась и уж точно забыла про наряды.

– Я исправлюсь, ваше высочество, – улыбаюсь я.

Принцесса не слишком рада ответу, но и не спорит.

Чаепитие завершается. Принцесса с фрейлинами уходит

во дворец. Я и ещё одна леди поворачиваем к выходу, где нам подадут экипажи. Получается, я была чуть ли не единственной приглашённой? Да уж.

– До скорой встречи, княжна Исидара.

– Всего доброго, леди, – киваю я. Поскольку она из низшей аристократии, я не обязана быть особенно вежливой, достаточно доброжелательного тона.

Я уезжаю первой.

Дождавшись, когда экипаж отъедет от дворца достаточно далеко, я пересаживаюсь на сиденье против хода движения и два раза ударяю в перегородку окошка в передней стенке. Кучер тотчас сдвигает перегородку, взгляду открывается его затянутая тёмно-синим сюртуком спина. Повернуться кучер не может, но это и не требуется. Вообще-то предполагается, что господское распоряжение передаёт слуга, но Лали отпросилась.

Я приказываю поворачивать на Брегскую улицу. Именно там находится отделение мелкой торговой гильдии “Вега”, принадлежащей имперцу, каким-то чудом ухитрившемуся заполучить лицензию. Я бы и не знала о существовании “Веги”, но позднее вскрыется, что помимо торговли, отделение гильдии занималось шпионажем и баловалось диверсиями. Папу обвинили в пособничестве, представили фальшивую переписку с главой вадорского отделения. Так почему бы не оправдать ложные обвинения? В любом случае правда вскрыется через несколько месяцев после гибели посла, у

меня есть время.

Я отчётливо осознаю, что собираюсь совершить крайне опасный шаг. Но где ещё я найду сильного союзника, как не во вражеской империи? Я нетерпеливо барабаню ногтями по подлокотнику. Предстоящая авантюра пугает и будоражит кровь одновременно.

– Прибыли, госпожа, – кучер открывает дверцу. – Госпожа...

Не принято, чтобы благородная леди оставалась одна. Рядом должна находиться либо служанка, либо дуэнья.

– Всё в порядке, – отмахиваюсь я и вхожу в ювелирный магазин.

Я чувствую на себе взгляд кучера, пока дверь не скрывает меня от его глаз. Кучер явно растерян, потому что ювелирный на Брегской улице магазин низкого класса. Начать с того, что отдельная витрина отдана ношеным украшениям.

– Госпожа, добро пожаловать.

Кивнув, я снимаю с руки тяжёлый браслет. Опал не самый дорогой камень, но всё равно браслет недешёвый.

– Сколько?

– Сюда, пожалуйста, – девушка провожает меня в отдельный кабинет, и вскоре появляется ювелир.

Видимо, клиентка, продающая драгоценности, считается нуждающейся, поэтому ювелир не утруждает себя даже простейшим приветствием. Я не возражаю, спокойной позволяю ему рассмотреть браслет под увеличительным стеклом.

– Девяносто пять роний.

– Сто шестьдесят, – Рей не брезговал приобретать ценные вещи в ломбардах. Помнится, узнав, я была неприятно потрясена. Но что я могла сделать? На Рея же напала словоохотливость, и он весьма подробно рассказал, как и что оценивается. Спасибо за урок, Рей, я использую его против тебя.

– Госпожа.

Я смотрю поверх головы сутулого мастера, будто одна в комнате:

– Широкий опаловый браслет, достойный руки принцессы, изготовлен модным ювелирным салоном на заказ. Изначальная стоимость около двухсот тридцати или двухсот тридцати пяти роний. Антикварной ценности браслет не представляет, поэтому при продаже теряет в цене. Вы его будете продавать сто семьдесят или сто восемьдесят роний. Разумеется, вы должны получить свою выгоду, поэтому сто пятьдесят пять и ни монетой меньше.

– Ха-а...

– Леди, торговаться-то неблагородно.

– Называть цену, заниженную вдвое, вообще бессовестно, но вас же это не смущает, верно? Вы платите или я уйду?

Ювелир ненадолго выходит и возвращается с деньгами.

– Сто пятьдесят, госпожа.

Рей упоминал, что в ломбардах и магазинах центральной части столицы с фальшивыми монетами не связываются, поэтому на этот счёт я спокойна. Я пересчитываю монеты. Сто

сорок восемь.

– Двенадцати не хватает.

– Тц.

Ювелир выкладывает на стол ещё две монеты, забирает браслет и уходит.

А я понимаю, что кошелька у меня нет. На ум приходит только один способ: я складываю монеты в три столбика и увязываю в шёлковый носовой платок. Тонкая ткань опасно натягивается.

– Леди? – торопит меня девушка.

Я вынимаю из причёски шпильку с опаловым навершием и даю девушке:

– Я хочу выйти через чёрный ход.

– Конечно, леди, прошу за мной!

Пусть кучер думает, что я увлеклась перебором серёг, брошей и прочей мишуры.

– Через некоторое время я вернусь, – предупреждаю я девушку.

Коснувшись шпильки, уже нашедшей место в аккуратном пучке, она согласно кивает.

До отделения торговой гильдии “Вега” всего несколько зданий, но смогу ли я её узнать без вывески? Я ведь в ней ни разу не была... Но мне везёт. Мальчишка лет десяти, несмотря на тёплую погоду, носящий поверх рубашки жилет, выбирается откуда-то из приземистого строения, очень похожего на халтурно сбитый сарай.

– Леди заблудилась? – мальчик некультурно сплёвывает в пыль кроваво-красную жевательную смолу.

Я с трудом не морщусь.

– Немного. Я ищу “Вегу”.

Мальчик моим ответом явно удивлён, но, ковырнув в ухе, он пожимает плечами и указывает на двухэтажное здание впереди, разительно отличающееся от других – оно деревянное. Точно! Как я могла упустить? Хотя шпионская деятельность “Веги” была раскрыта, получить документы и раздуть международный скандал Вадору не удалось, гильдия вспыхнула свечкой и прогорела меньше, чем за час. Тайной канцелярии досталась только сажа.

Продуманные ребята.

Я поднимаюсь на крыльцо. Дверь с первого же толчка распахивается, но издаёт душераздирающий скрип. От омерзительного скрежета будто внутренности переворачиваются.

Седой старик за конторкой, как ни в чём не бывало продолжает дремать. Должна ли я пройти мимо?

Хмыкнув, я подкидываю в ладони платок с деньгами, монеты ударяются друг о друга. Звук тихий-тихий. Старик садится прямо, сна ни в одном глазу.

Я не дожидаюсь, пока он заговорит, опережаю.

У отделения есть глава, чьё имя значится в официальных документах. Если я не ошибаюсь, это вполне реальный человек, ведущий законную торговлю. А есть глава, занимающийся теневой деятельностью. Я знаю, что в ночь пожара

теневогой глава благополучно сбежал, впрочем, не только он. Великий князь был в гневе.

Нужные имена я знаю из протоколов обвинения папы.

– Я пришла увидеться с сеньором Поморро.

– Госпожа? Должно быть, вы ошибаетесь?

Что?! Поддельной была переписка, но не документы, ка-сающиеся гильдии. Или они тоже и сеньор Поморро выду-ман Тайной канцелярией?!

– Я пришла увидеться с сеньором Поморро, – твёрдо по-вторяю я.

Старик широко зевает, без капли стеснения показывает мне бездонный провал беззубого рта. Из его взгляда, как по волшебству, исчезает всякая осмысленность. Всхрапнув, старик вешает голову на грудь и впадает обратно в спячку.

Отлично! Так меня ещё не игнорировали.

Но я не собираюсь отступать, не в этот раз. Слишком уж у меня на сеньора Поморро большие планы. Я резко разво-рачиваюсь к лестнице. Рассохшаяся конструкция выглядит сущей развалюхой.

Я не успеваю сделать и шага, как на верхней ступеньке по-является кучерявый парнишка моего возраста. Одет, как и мальчик, подсказавший дорогу – тёмные брюки, белая ру-башка, жилет. В руках чашка, и я с первого этажа ощущаю аромат кофе.

Кажется, здание насквозь пропахло этим непопулярным в Вадоре заморским напитком.

– Госпожа, сеньор примет вас. Пожалуйста, сюда.

Вот так просто? Хм...

Ступеньки скрипят, а некоторые гнутся под моим весом, словно предупреждают не ходить. Если подумать... Я заявила в логово врага, никому не сказав, куда пошла. Даже от кучера спряталась в ювелирном. Сеньору Поморру совершенно не обязательно отпускать меня живой, так?

Я поднимаюсь на второй этаж, парень наблюдает за мной сверху вниз, но даже когда я встаю с ним вровень, не меняет позы и продолжает спокойно пить свой кофе. Я немного злюсь, потому что нервничаю, но раздражение держу при себе и опираюсь на перила, тоже, как и парень, смотрю на спящего старика.

Парень делает глоток за глотком. Я словно забыта.

Где-то позади хлопает дверь.

– О, госпожа, пройдёмте. Сеньор Поморро в кабинете.

Так у отделения “Веги” нет даже нормальной приёмной, где я могла бы подождать? Парень поэтому держал меня в коридоре? Как они ведут дела? Я знаю, что торговлей они всё же занимаются.

Лишние мысли быстро вылетают у меня из головы.

Парень приоткрыл дверь обещанного кабинета лишь частично, мне приходится протиснуться чуть ли не боком. Дверь тотчас захлопывается, но характерного щелчка замка я не слышу. Проверять, заперли меня или нет, пока не буду. Я сосредотачиваюсь на хозяине кабинета, которого... Ха!

Кабинет разделён надвое плотным тканевым экраном, ставни закрыты, отчего в кабинете по-вечернему сумрачно. Откуда идёт свет, я не могу разобрать.

Сеньор Поморро устроил настоящий театр теней. На экране силуэт сидящего за письменным столом пропорционально сложенного мужчины.

С моей стороны выставлено мягкое кресло, обтянутое зелёным бархатом. Подобную мебель ожидаешь увидеть в гостиной богатого аристократа, но никак не в убогой гильдии. Грубый кособокий табурет с окружающей обстановкой сочетается куда лучше. Табурет исполняет роль столика, на сиденье меня дожидается уже налитая чашка. Судя по аромату – снова кофе. Интересно, у них чая в принципе нет?

Я прохожу вперёд.

– Доброго дня, сеньор.

– Присаживайтесь, княжна Исидара.

Он узнал меня?! Хотя чему я удивляюсь? Шпион обязан знать высших аристократов в лицо.

– Благодарю.

– Что вас привело ко мне? – из-за экрана его голос звучит глухо и тягуче, будто густой мёд обволакивает.

Мужчина за экраном поднимает чашку, и я следую его примеру. На миг я замираю – никогда ничего подобного не видела! В чашке вместо привычного молока густая белая пена и на ней бежевые контуры распустившего лепестки цветка. Как это возможно?

Очнувшись от удивления, я отвечаю сеньору:

– Я пришла купить информацию.

– Вот как? Не уверен, что это возможно, – тон скучающий, сеньор всячески показывает, что я напрасно отнимаю у него время.

Но если бы он действительно не был заинтересован, он бы не согласился меня принять.

– Рей Лотт. Мне известно, что у него есть постоянная любовница.

– Княжна, вы говорите о том, неудачнике, который травмировал перед вашим домом левое колено?

– Вы называете неудачником того, кто заслужил похвалу наследного принца? – я выдерживаю короткую паузу. – Если вы мне поможете, сеньор Поморро, вот тогда Рей Лотт станет настоящим неудачником.

– Продолжайте, княжна.

– Недавно женщина родила, и Рей, как порядочный, в храме Белой богини признал отцовство, дал сыну свою фамилию. Мне нужны доказательства неверности Рея, чтобы заставить высший свет замолчать, чтобы из жестокосердной недотроги стать жертвой обмана.

– Так вы хотите уничтожить репутацию подающего надежды таланта? Пожалуй, мне нравится ваша задумка, княжна. Но я не работаю бесплатно.

Конечно, не бесплатно. Зачем бы я браслет продавала? Потянув платок за уголок, я моментально растягиваю узел.

Монеты со звоном сыплются на табурет.

– Если здесь недостаточно, то считайте это задатком.

Не представляю, в какую сумму оценит себя сеньор Поморро, но пока она хоть немного похожа на разумную, я готова платить.

– Не-ет, княжна. Разве в ваших глазах я дешёвка? Я продам вам информацию за... другую информацию. Обман. В торговле есть замечательный термин – бартер.

– Какого рода информация вам нужна, сеньор?

– Поскольку ваш запрос очень простой, я задам вопрос, ответ на который не требует дополнительного расследования.

– Да, сеньор?

– Откуда вы обо мне узнали, княжна?

Плохо.

Вопрос закономерный, ожидаемый, но всё равно плохо.

– Сеньор, может быть, вы настолько беспомощны? – усмехаюсь я.

Да, я безумно рискую, но ничего лучше в голову не пришло.

– Что?

Надо же, он чуть не подавился, и теперь голос звучит не глухо, а молодежavo. Наверное, я смогла бы его узнать...

– Я буду откровенна, сеньор. Мой запрос выведенного яйца не стоит. Я бы могла написать анонимку и пожаловаться на неё родителям. Уж поверьте, папа и брат не упустили бы

возможности и собрали на Рея достаточный компромат, чтобы закопать юное дарование. Но я пришла к вам.

– Зачем же?

– В надежде на установление взаимовыгодного сотрудничества. Сеньор, вы сами признали, что у меня есть сведения, которыми вы хотели бы располагать. Но вы заблуждаетесь, если думаете, что сбор доказательств по наводке стоит раскрытия моей тайны.

Поведёт в подвал добывать тайну пытками?

Мне страшно и в то же время дух захватывает. Я солгу, если скажу, что мне не нравится происходящее.

Мужчина внезапно запрокидывает голову и начинает хохотать. Чистый смех звенит в кабинете. Я не знаю, как реагировать. Мне не кажется, что я сказала нечто смешное. Возможно, он смеётся над моей глупостью?

Отсмеявшись, мужчина садится прямее.

– Что же, княжна, справедливо. Сочтём за оплату сам факт открытия, что у вас есть тайна. Как только доказательства будут собраны, вы получите сообщение.

Я коротко благодарю, прощаюсь, но уже у двери поддаюсь соблазну и оборачиваюсь:

– Сеньор, если вы так хороши, как я слышала, для вас не составит труда выяснить мой маленький секрет.

Ложь бессовестная, восхитительная.

– О? Если княжне угодно, я, разумеется, выясню сам. Но мы сделаем ставку. Как только я выясню, вы, княжна, будете

должны мне ровно одно желание.

Мой источник – протоколы из будущего, появления которых я не допущу.

– Согласна. Белая богиня, засвидетельствуй.

Богиня откликается на просьбу, на моём запястье появляется тончайшая цепочка, сотканная из серебряного света луны, видимого нам двоим, причастным к клятве.

Я уверена, что это я поймала сеньора в ловушку, избавилась от неудобных вопросов, но, глядя на цепочку, почему-то начинаю сомневаться.

– Всего доброго, сеньор, с нетерпением жду от вас новостей.

Я выхожу, захлопываю дверь. Сеньор провожает меня смешком.

Но... нечего беспокоиться о несбыточном, модный салон ждёт!

Интерлюдия 1

Княжну Исидару Кокберг подменили?

До сегодняшнего дня она напоминала мне овцу с большими тёплыми глазами.

Её семейка – честные дураки. Не представляю, как достойный род мог выродиться в цирковых клоунов, прикрывающих честью пустоту черепных коробок. Особенно отец Исидары. Князь Кокберг откровенно жалок. Лезвие уже у его горла, а он ничего не замечает. Я бы Кокбергам и пары лет

не дал, Великий князь уничтожит их будто мусор сметёт, не прилагая усилий. Однако сегодня... что-то изменилось?

В одном уверен. Овца, покорно идущая под нож мясника, исчезла. В Парадной галерее княжна походила на разъярённую дикую кошку.

Тонкие пальцы, впивающиеся в моё плечо... Это само по себе было интересно.

Княжна уже несколько часов не выходит у меня из головы – отслеживать малейшие изменения в высшем обществе Вадора часть моей работы, поэтому к княжне следует присмотреться. Хотя... Возможно, меня сбил с толку её яростный взгляд? Если причина её злости заключается в отказе князя одобрить брак с тем ничтожеством из прихвостней принца Джердена, то я... разочаруюсь?

В любом случае проверить мой долг.

– Манс, новости по Кокбергам и кофе мне в кабинет, – приказываю я, скрываясь за дверью.

И меньше, чем через четверть часа получаю требуемое. Манса я выбрал за сообразительность, ответственность и талант превращать кофейные зёрна в бодрящее совершенство, посыпанное шоколадной крошкой.

– За последнюю неделю не происходило ничего особенного, господин, – краткая сводка ложится на столешницу поверх подробного отчёта.

– Есть что-то за более поздний период?

Почему Манс упоминает только сейчас?!

– Вчера, господин.

Хм? Как по мне, вчерашняя выходка Рея Лотта занятна исключительно тем, что Исидара не выбежала к нему напрямиком в расставленный на неё капкан. Может быть, князь запер её в комнате, поэтому она сегодня злилась?

– Продолжай, Манс.

– Капитан Шайс начал закупки к северной экспедиции. Спонсорское письмо датировано вчерашним днём и подписано княжной Исидарой Кокберг. Два факта – изначально капитан направил запрос на имя князя, который отсутствовал дома в первой половине дня и то, что документы пришли только сегодня с утренней почтой – дают основание полагать, что княжна отвечала капитану, когда Рей Лотт изображал влюбленного рыцаря перед входом в её дом.

Я просматриваю сводку. Очень похоже, что выводы Манса верны. Неожиданно...

Начать с того, что выбирать, в какие проекты вложиться стоит, а в какие – нет, князь не умеет. Дважды потеряв финансы, он, надо отдать ему должное, здраво оценил свои никудышные экономические способности и сосредоточился на сохранении имеющегося. Князь всё ещё балуется инвестициями, но суммы незначительные, потери не наносят ущерба семейному благосостоянию.

Исидара интереса к деньгам никогда не проявляла... Но ставка на капитана Шайса не похожа на выбор князя хотя бы по той причине, что у капитана, которого она выбрала, на

мой взгляд, самые высокие шансы на успех.

– Расследуй.

На сегодня Исидары достаточно.

– Господин, княжна Исидара на первом этаже требует встречи с сеньором Поморро.

Я расплескал кофе.

Она что?!

Глоток, который я успел отпить, но не успел проглотить, фонтаном осел на сводке и стремительно впитывается в белую бумагу, превращаясь в пятна коричневой грязи. Кофе из опрокинутой чашки достигает края столешницы и стекает мне на брюки.

Манс невозмутимо подаёт платок.

Откашлявшись, я промокиваю рот и уточняю:

– Именно сеньора Поморро? Я приму.

Что за шутка?!

– Да.

Манс уходит готовить “сцену”. Для незаконных дел маска негласного главы небольшой торговой гильдии показалась мне идеальной.

Но как княжна узнала? И что конкретно она знает? Меня начинает беспокоить её пророчество скорой смерти – насколько серьёзно она говорила?

Всё непонятное опасно. Лучше бы княжна злилась из-за упрямства отца и была всё той же овцой, но я в глубине души я чувствую удовлетворение.

Сеньор Поморро скрывает лицо. Показаться Исидаре, которая тотчас опознает во мне посла, я тем более не могу. Я перехожу в приёмную. Манс, как всегда, подготовил экран, светильники, кофе... Закрытые ставни создают в приёмной таинственный полумрак. Я знаю, что рождённые правильно расставленными светильниками тени “ломают” фигуру. Всё, что сможет понять зритель – что я не оживший шкаф поперёк себя шире, и не хлюпик-глист.

Манс громко захлопывает дверь – знак того, что гостя может войти.

– Что вас привело ко мне? – я отпиваю кофе и наблюдаю за княжной. Не ожидал, что ей понравится мой любимый напиток. В Вадоре кофе не жалуют, а она смотрит на простенький рисунок цветка с детским восторгом.

– Я пришла купить информацию.

Хм, это легче, чем я ожидал.

“Вега” действительно занимается подобным, чаще всего мы продаём информацию о тайных сделках, истинном финансовом положении торговцев и всё в том же духе. Словом, компроматы на людей по части “Веги”. Но... Откуда Исидара об этом узнала? А откуда она узнала про любовницу своего воздыхателя? Говорит очень уверенно.

Более того, выходит, что “купить” словно неподходящее, она пришла информацию проверить.

По крайней мере я выяснил причину утренней злости Исидары.

А то, что она предлагает... Ха! Растоптать Рея Лотта, заслуженно смешать с грязью, втоптать в землю, уничтожить. Мне нравится ход её мыслей! Никаких сентиментальных слёз, никаких сомнений. Действия княжны даже мстью как таковой не назвать, прежде всего княжна избавляется от проблемы наиболее действенным способом, виртуозно обрачивает выходку Рея против него же.

Определённо, я все храмы переберу, но документ на ребёнка добуду. Тем более для матери с сыном угрозы нет, скорее выгода – Лотту придётся взять их в дом, а то и жениться на женщине.

– Я не работаю бесплатно.

Княжна, не колеблясь, предлагает мне деньги. За пустяковую услугу она готова переплатить раз в десять. Нет уж, деньги пусть оставит себе.

Мне нужна информация.

Частично ребус уже сложился. Некто неизвестный вчера открыл княжне глаза на происходящее, дал несколько толковых советов, а она оказалась достаточно умной, чтобы им последовать. Теперь за княжной кто-то стоит, и я ни за что не поверю, что его ход был разовым. Мне нужно имя неучтённого игрока. Я не допущу, чтобы он, кем бы он ни был, порушил мою игру, слишком высокие ставки.

Я специально подбираю слова так, чтобы ответ на мой вопрос выглядел пустяковым. Но...

– Сеньор, может быть, вы настолько беспомощны? – усме-

хается она.

На миг я лишаяюсь дара речи. Она вообще соображает, что делает и с кем разговаривает? Она понимает, что одно моё слово, и ей перережут горло? Что отказ говорить добровольно может привести её сперва в пыточный подвал, а потом в могилу?

Конечно, я ничего подобного не сделаю, это попросту неразумно. Что она может рассказать обо мне? Что сеньор Поморро – это тень на экране? Маловероятно, что про неведомого игрока я получу больше.

Когда Исидара заговаривает о перспективе взаимовыгодного сотрудничества, я не могу удержаться от смеха. Девочка, что бы ты сказала, если бы я сбросил маску и объяснил, что ты прямо сейчас хочешь совершить государственную измену?

Как бы Исидара ни была оскорблена Лоттом, она всё ещё княжна из рода Кокберг, а для Кокбергов честь и служение короне превыше всего.

Уничтожать такую семью – разве Великий князь не идиот?

Документ я найду...

– Сеньор, если вы так хороши, как я слышала, для вас не составит труда выяснить мой маленький секрет.

Так она решила перекрыть мне возможность спросить снова? Находчиво. Но зря она думает, что я не выясню, кто за ней стоит.

А ещё я покажу ей, что такое настоящая словесная ловушка:

– О? Если княжне угодно, я, разумеется, выясню сам. Но мы сделаем ставку. Как только я выясню, вы, княжна, будете должны мне ровно одно желание.

– Согласна. Белая богиня, засвидетельствуй.

Она легко попалась?! Пфф!

Княжна уходит, забыв деньги на табурете.

Впору окликнуть, но...

– Манс, – зову я. – Расследуй тщательно. А также... установи за княжной круглосуточную слежку. Обо всём необычном докладывать мне незамедлительно.

Дикая кошечка, станешь ли ты ручной?

Глава 4

На улицу я возвращаюсь через ювелирный магазин.

Пожалуй, дома я могу соврать, что о магазине на Брегской улице услышала от одной из фрейлин и пошла посмотреть, но оказалось, что коллекцию восточных шпилек ещё не привезли. Так у меня будет оправдание для второй, а то и третьей поездки. Мне никаких усилий не жалко, чтобы приручить сеньора Поморро.

Кучер распахивает для меня дверцу экипажа. На его лице отчётливо читается облегчение – его явно не радовало, что я отказалась от сопровождения. Но “Вега” это не то, чем я поделюсь с родителями. Я приказываю отвезти меня в модный салон. Кучер склоняет голову, пряча неодобрение. Я слишком долго отсутствую дома. Я не нарушаю приличий, до вечера далеко, но всё же...

По дороге я размышляю, заказать ли мне элегантно-роскошный охотничий костюм или строго-скромный. Как выйти из “шляпного соревнования”, но при этом не проиграть? Я должна не только действовать, но и принимать во внимание достоинство своей семьи.

На самом деле в прошлый раз я ограничилась несколькими платьями и всё время оставалась у шатров. В этот раз я не стану лишать себя свободы передвижения.

Посол... После его гибели отношения с империей обост-

рились. Не представляю, кому могла бы быть выгодна его смерть, кроме самой империи, получившей убедительный предлог для начала военного вторжения. Смерть посла – несчастный случай? Посол стал свидетелем некоей тайны, и его убрали? Вообще-то убить посла невзирая на разрушительные для Вадора последствия вполне в духе нынешнего Великого князя.

А может быть, за убийством стоит одна из княжеских семей? Ощувив угрозу на границе, Великий князь поостережётся уничтожать тех, кто способен остановить имперских солдат. Логично ведь? Но папу, преданного короне всем сердцем, смерть посла от казни не спасла...

Я знаю так много и в то же время катастрофически мало. А с нарядом я так и не определилась.

– Княжна Кокберг? – удивление на лице хозяйки ателье неподобающе очевидное.

Несколько лет она одевает княжну Утанару Арден и, естественно, знает о “шляпном соревновании”. Она скорее поверит, что к ней за платьем придёт сама Белая богиня, чем другая княжна.

– Что-то не так? – невозмутимо спрашиваю я. Отказать мне хозяйка, естественно, не может, на этот счёт я не волнуюсь

В ателье “Рио” я впервые, но заведения одного типа обычно устроены одинаково. Оглядевшись, я устремляюсь к ди-ванчику, и помощницам хозяйки не остаётся ничего, кроме

как подать мне набор журналов, чай и лёгкие пирожные.

– Княжна...

– Мне нужен охотничий костюм на предстоящую Великокняжескую охоту, – перебиваю я хозяйку.

– Княжна, вы уверены, что хотите заказать костюм именно у меня? – негласные правила потому и называются негласными, что вслух о них говорить неприлично.

Хозяйка пытается намекнуть, но я остаюсь глуха:

– Разумеется, у вас! Я долгое время восхищаюсь вашим мастерством, госпожа Риона. Я уверена, что вы превзойдёте себя, если я ограничусь двумя пожеланиями. Во-первых, мой охотничий костюм должен быть удобным. Во-вторых, он должен быть мне к лицу.

Какой мастер откажется от свободы творчества за деньги клиента?

– Княжна, прошу вас в примерочную для снятия мерок.

– Госпожа, если вы успеете подготовить не только охотничий костюм, то, пожалуйста, ни в чём себе не отказывайте. Я выкуплю всё.

Пока что результат не совсем тот, который мне нужен. Не исключено, что княжна Арден воспримет мои действия как оскорбление. Но надо же с чего-то начинать! Тем более... Помощницы хозяйки налетают на меня всей весёлой стайкой, мерки снимают очень быстро, между делом предлагают взглянуть на одно из уже готовых платьев. Согласившись, я примеряю обычное дневное платье и, как только девочки за-

стёгивают последний крючок, я без предупреждения возвращаюсь в основной зал. И очень вовремя!

Хозяйка как раз листает свой ежедневник, чтобы внести в расписание работу над моим заказом.

– Княжна? – поднимается он.

– По-моему, оно очаровательно! – делаю я комплимент, крутанувшись перед зеркалом, и словно случайно сбиваю ежедневник с конторки. – Ой, как неловко.

Поднять ежедневник следует помощницам, не хозяйке и уж точно не мне. Но я ближе всех, и я девочек опережаю.

Я не просто поднимаю ежедневник, я позволяю ему раскрыться по закладке и показать мне дату и время, на которые уже назначен визит второй княжны. Мне повезло, что это будет в ближайших числах, я бы не смогла позволить себе пролистнуть пару страниц. Я с улыбкой возвращаю ежедневник. Нет, я не буду пытаться получить время рядом с Утанарой. Я просто явлюсь без приглашения.

– Княжна, зачем же...?

Моё поведение вызывает ещё большее недоумение, но мне всё равно.

– Счёт, пожалуйста, пришлите на дом, – обычная практика.

Я ненадолго задумываюсь – есть ли ещё что-то, что я могу сделать сегодня? Пора возвращаться? Самое важное, что осталось – избавиться от Лали. Возможно, мне следовало поручить сеньору Поморро найти доказательства её преда-

тельства? Хотя нет, ни к чему знакомить имперца с предателями, входящими в дом. С Лали и прочими я буду разбираться самостоятельно.

Попрощавшись с хозяйкой, я киваю на предложение кучера ехать домой.

Откинувшись на сиденье, я прикрываю глаза и вновь прокручиваю в уме фантазию, как прихожу к папе и рассказываю о желании Великого князя уничтожить нашу семью. Какие бы слова я ни подбирала, как бы ни убеждала, папа не верит.

Поверят ли другие князья?

Возможно ли проверить подлинность завещания прошлого Великого князя?

Как скоро нынешний Великий князь отдаст приказ любой ценой избавиться от меня?

Экипаж резко останавливается, меня кидает вперёд. К счастью, я пружиню ладонями о мягкую обивку переднего сиденья и отделываюсь лёгким испугом, обошлось без ушибов и травм. Покушение?! Это первое, что приходит мне на ум, но для покушения слишком рано.

До меня долетает лошадиное ржание и ругань кучера. Я приподнимаю штору, выглядываю.

Кажется, насчёт покушения я не так уж и неправа. Мне виден бок чужой кареты без опознавательных знаков. Кто-то вынесся из переулка прицельно нам под копыта. Развернуться и разъехаться будет не так-то просто после столкновения.

Нечего и говорить о том, чтобы сделать это быстро.

Я отказываюсь верить случайностям. Открыв окошко связи с кучером, я уточняю:

– Что случилось?

– Простите, госпожа. Мы столкнулись с господином Лоттом.

Разве Лали не передала ему мою завуалированную просьбу проявить терпение? Это так он ведёт себя тихо? Что именно он пытается устроить в этот раз? Обычное столкновение не может дать ему никаких преимуществ. А вот сумеет он уединиться со мной в экипаже...

Где-то поблизости засели журналисты из “Светской хроники”?

Рей появляется в поле зрения. Я запоздало тянусь к забору. Рей успевает распахнуть дверцу, в салон дуновением ветра проникает приторный парфюм. Рей озаряет меня глуповато-восторженной улыбкой и сладко улыбается:

– Дара, вы не пострадали? Должно быть, наша встреча сегодня – это сама судьба!

Облокотившись на проём, одну ногу я ставлю на самый край – чтобы попасть в экипаж, Рею придётся меня толкнуть. В крайнем случае я рискну выскочить с противоположной стороны, на проезжую часть, лишь бы не оставаться с ним наедине.

Я нашла выход, и чувствую себя увереннее.

Сказать, что пострадала? Пожалуй, лучше не давать лиш-

него повода приблизиться ко мне, начнёт ещё хватать за руки, дуть на воображаемые синяки, расспрашивать, что болит. А вот на выговор он нарвался.

– Господин Лотт, я пострадала чуть раньше, от ваших действий. Вашими стараниями “Светская хроника” выставила моего отца бессердечным самодуром, была брошена тень на мою репутацию, – перечисляю я, причём достаточно громко, чтобы притаившиеся поблизости журналисты могли услышать.

Вероятно, обозреватели скажут, что княжна была холодна и жестока, но по крайней мере они не смогут упрекнуть меня пренебрежении приличиями. Лучше прослыть высокомерной, чем доступной.

– Дара?

Ещё не понял? Спасибо, я рада продолжать:

– Даже к невесте на публике следует обращаться как к леди. Мы с вами, господин Лотт, не помолвлены. Обращаясь ко мне по имени, вы принижаете меня, господин Лотт.

Он не выглядит особенно удивлённым, то есть Лали уже успела отчитаться. Его выражение лица становится всё более и более жалким. На поверхности обида в лучших чувствах, а под ней... раздражение, злость.

Конечно! Рей выступил, не щадя колена, а все усилия дали обратный эффект.

– Княжна, я ведь для нас старался, для нашего счастья!

Настолько бездарная театральщина, и я велась? Белая бо-

гиня, какой ужас. Дай мне остроты зрения, Белая богиня.

– Отец начал проникаться вашим упорством, но вчера был глубоко разочарован. Понадобится время, чтобы исправить положение. Я думаю, лучшее, что мы можем сделать – это подождать, – миролюбиво предлагаю я, но не позволяю себе и тени улыбки.

Обида на его лице становится всепоглощающей. Рей такую рожу корчит, будто вот-вот расплачется, как маленький мальчик.

– Княжна Исидара... Неужели вы меня больше не любите?

Так мне, по его мнению, следует устыдиться?

Рей, говоря откровенно, меня от тебя воротит. Но я, увы, не признаюсь вслух, хотя, возможно, и хотела бы посмотреть на твою искреннюю реакцию. Правдивый ответ повлечёт за собой слишком много неудобных вопросов, а я не собираюсь давать Великому князю подсказка.

Совсем скоро я получу от сеньора Поморро козырь и с фанфарами разыграю карту измены, заставлю всю столицу обсуждать коварного обманщика. Пока же время терпеть. И напирать на приличия:

– Господин Лотт. Мы всё ещё на улице. Зачем вы задаёте вопрос, который ставит меня в трудное положение? Господин Лотт, для всех, в ком течёт кровь Кокберг, честь превыше любых чувств.

Рей не пытается вломиться в экипаж, он, наоборот, от-

скакивает, с прежней бездарной театральностью хватается за грудь:

– Княжна, вы разбиваете мне сердце! Почему вы так жестоки ко мне? К моей любви? Вы стали презирать меня за более низкий статус? Вы хотите выйти замуж за богатого, поэтому говорите со мной в подобной манере?

Обвинения всё громче.

Я не пытаюсь вклиниться, это бесполезно. В любом случае, я не могу его перекрикивать.

Я просто перед его носом с громким стуком захлопываю дверцу экипажа, а для надёжности, наконец, задвигаю запор. И на второй дверце тоже, на всякий случай.

– Я люблю вас больше жизни, Дара! – снаружи Рей неистовствует, но не ломится. – Вы играли моими чувствами?! Хорошо! Раз вы забрали моё сердце, Дара, так заберите и жизнь, потому что я не могу жить с разбитым сердцем. Надеюсь, ваша совесть выдержит.

Белая богиня!

В прошлом я бы выскочила из экипажа, бросилась просить прощения, утешать, заверять, что люблю и никогда не смотрела на Рея сверху вниз из-за разницы в статусах. Я бы действительно перепугалась, что Рей с его тонкой душевной организацией, нежный, ранимый, покончит с собой.

Я рывком задёргиваю шторку.

Мне очень не нравится взгляд, который я успела поймать прежде, чем занавесилась. Это уже не досада, не раздраже-

ние, даже не злость. Это горящая злоба, смешанная с решимостью.

Очевидно, что Рей не утихнет, как я наивно надеялась, он готовится что-то предпринять. Он заготовил некий трюк, который не собирался пускать в ход, но теперь мой отказ его спровоцировал? Но что теперь Рей может сделать? В петлю он точно не полезет. Во-первых, не станет позориться. Во-вторых, будет подозревать, что я устою.

Но что, если не самоубийство?

Меня страхом прошибает от макушки до пяток – у него ведь тоже есть на меня компромат!

Проклятье!

Больше месяца мы с Реем обмениваемся любовными записками. Мне казалось, что тайные послания – это невероятно романтично, и Рей охотно подыгрывал, писал часто, а я также часто отвечала... Я честно сжигала письма Рея, но он их сохранил. Когда после замужества я об этом узнала, я была тронута его сентиментальностью, после заключения брака любовные записки угрозы не несли. Но сейчас! Если он их опубликует... Моя репутация будет уничтожена.

И что мне делать?!

Уж точно не ждать очередной статьи в “Светской хронике”.

Экипаж, наконец, приходит в движение. Я выжидаю около пяти минут, прежде чем сдвигаю шторку и выглядываю на улицу. Рей остался позади, мне ничего не видно, и я устало

откидываюсь на спинку сиденья. Я заставляю себя прекратить панику. С одной стороны, мои письма могут появиться в журнале уже завтра. Мне хватило глупости подписываться своим именем. С другой стороны, цель Рея жениться, а не опозорить меня. Что ему даст публикация писем, кроме головной боли? Мужчина обязан беречь честь возлюбленной, за письма Рея осудят, а папа с братом и вовсе могут вызвать на дуэль. И убить.

Насколько я успела понять Рея, смертельный риск не его путь.

Часть писем мы передавали через младшую фрейлину принцессы. Если Габриэль пригласит отца и намекнёт, что по вине любопытной девицы наши с Реем записки вот-вот станут достоянием публики и что единственный способ защитить меня от порицания – позволить мне выйти за любимого человека...

Вмешательство членов правящей семьи весомее писульки в журнале.

А если я ошибаюсь, и завтра письма появятся в “Светской хронике”? Тогда я... не потеряю ничего, кроме репутации. Я по-прежнему разыграю козырь с его изменой и разорву отношения. То, что в результате меня перестанут пускать во дворец, принимать в приличном обществе, и что я не смогу выйти замуж – мелочи. Статью в “Светской хронике”, если она выйдет, можно использовать как повод убедить всю семью отправиться в большое путешествие. Немного слёз, и

родители согласятся.

Однако...

Нечего моим письмам пылиться у Рея и действовать мне на нервы. Я сожгу их... сегодня же.

Глава 5

Из экипажа я не выхожу – выбегаю. И бросаюсь в дом.

В холле меня ждёт Лали, но я не собираюсь тратить на неё ни мгновения. Я просто сходу приказываю достать из гардеробной комплект, приготовленный для участия в Великокняжеской охоте, а также вывесить все остальные наряды, в которых я ещё ни разу не выходила в свет. Уверена, перебор платьев и костюмов займёт Лали надолго.

Кажется, она хочет то ли возразить, то ли что-то спросить, но я не оставляю и шанса, прохожу мимо, взбегаю на второй этаж и скрываюсь в глубине дома.

Конечно, от других слуг Лали узнает, что я рванула напрямик к маме, главное, что подслушать не сможет.

С мамой же... сложно.

Когда-то мама была младшей жрицей Белой богини.

Как и большинство жриц, мама сирота, воспитанная в приюте при храме, имена родителей неизвестны, её, совсем крохой, оставили в корзинке на ступенях храма. В день своего шестнадцатилетия мама отреклась от прошлого, прошла посвящение на первую ступень и получила новое имя. Жизнь мамы должна была пройти в стенах храма, но счастливая встреча обернулась браком по любви.

Жениться на жрице для аристократа не зазорно, хотя и невыгодно – жрица не принесёт в мужу ни большого прида-

ного, ни полезных связей.

Папа выбрал сердцем.

Раньше я не особенно задумывалась об отношениях родителей. Я видела, как они трепетно относятся друг к другу, видела их неугасимую любовь и всепоглощающую нежность. Я мечтала, что мои отношения с мужем будут точь-в-точь такими же.

Слепая... По крайней мере я узнала о существовании проблемы сейчас, расшибив об неё собственный лоб.

Мама, будучи счастливой женщиной, любимой и взаимно любящей, несмотря на безоговорочную и безграничную поддержку папы, отказывается считать себя достойной титула княгини. Может быть, папины родители постарались? Бабушку с дедушкой я почти не помню, они ушли в Белую обитель, когда я была пятилеткой, и в памяти остались лишь размытые образы холодной строгости и чопорной надменности... Возможно, они попрекали маму простецкими манерами, тем, что, по их мнению, своим неумением держаться в высоком обществе, она их позорит?

Мама не управляет домом, не вмешивается в семейные дела, даже мнения не высказывает, лишь соглашается с папиными решениями, какими бы они ни были. В свете мама прослыла затворницей и домоседкой, она избегает общения с аристократками, а в обществе появляется изредка и исключительно на официальных мероприятиях, когда обязана сопровождать папу.

Мысль рассказать ей о будущем я отвергла сразу – мама испугается, будет безумно переживать, сляжет с мигренью, но ничего не сделает, лишь посоветует довериться папе.

А папа не поверит.

– Иси?

Я вхожу в мастерскую – мама ещё со времён своей юности увлечена лепкой статуэток Белой богини, проводит в мастерской дни напролёт. Готовые статуэтки мама передаёт в храм, где жрицы их освящают и дарят желающим.

Сегодня мама занята чем-то грандиозным. Уже готовый глиняный Дарен Вадор и его верные рыцари сражаются с чудовищем. Мама инструментом, похожим на длинную иглу с рукоятью, тщательно прорисовывает на шкуре чудовища чешуйки, левый бок завершён, а правый – только начат.

На черновом карандашном наброске видно, что мама создаёт скульптурную композицию: появится храм, на его вершине, воздев руку, встанет Белая богиня.

– Благословение магией? – с улыбкой спрашиваю я.

– Да, – мама окидывает меня внимательным взглядом, инструмент возвращается в футляр, мама наспех вытирает руки полотняной салфеткой и манит меня на диванчик. – Что-то случилось, дочка?

По мне настолько заметно?

Хотя мама избегает любых семейных дел, я всё же надеюсь, что о моём браке она выскажется, не как княгиня, а как мать, тем более моя цель избежать брака, не позволить папе

передумать под давлением обстоятельств.

– Ма-ам, – плаксиво тяну я. – Ты не поверишь!

– Что случилось?

Я устраиваю голову у неё на плече:

– Когда я возвращалась из ателье, я заказала костюм для охоты, из проулка выскочил экипаж, в котором оказался Рей Лотт. Мы чуть не столкнулись! Я чудом не пострадала.

Мой обычный розовый восторг сегодня сменяется чёрной палитрой.

– Рей Лотт? – в маминой интонации появляются нотки искренней озабоченности.

Хотя мама не высказывалась прямо, я могла понять, что Рей ей не нравился, и она против моего с ним брака.

– Да! Знаешь? Он с таким самодовольством заявил, что наше столкновение это судьба, что я теперь уверена, что он его и подстроил. А если бы я ударилась? Меня спасло только мастерство нашего кучера.

– Белая богиня, Иси, ты не пострадала?

– К счастью, обошлось. Не переживай, мам. Но то, что было потом... Рей на всю улицу спросил, люблю ли я его. На людях! Я сказала, что он не прав, что он нарушает этикет, а он, вместо того, чтобы успокоиться и, наконец, вести себя достойно, представляешь, начал говорить, что я разбиваю ему сердце и что он не хочет жить из-за моего коварства. Зачем он так со мной? Он просто давил на эмоции, причём без стыда и совести!

Я всхлипываю.

Мама с нежностью гладит мне по голове.

– Так бывает, дочка.

Я продолжаю:

– Он казался таким хорошим... Вы с папой были правы, когда советовали не торопиться.

– Вот и правильно, не торопись, подумай, присмотришь. Куда спешить?

Спешить мне придётся, но, к счастью, не замуж.

– Да, мам. Признаться... после той сцены, которую он устроил, я вообще не хочу с ним иметь дел. Я думала, он чуткий романтик, а он оказался истеричным тираном.

Теперь, когда я рассказала, как Рей меня обидел, и что он мне больше не нравится, родители, уверена, не допустят наш брак. Я хочу надеяться, что не допустят...

– Иси, ты обязательно встретишь достойного мужчину, – обещает мама.

Я согласно киваю.

Ещё раз о своём нежелании выходить за Рея я повторяю на семейном ужине.

Но одних слов мало.

Приказав Лали оставить наряды висеть в спальне до утра, я жалуясь на усталость после волнительного дня, говорю, что лягу раньше обычного и отсылаю отдыхать, упомянув Лалины красные дни, которые она использовала как предлог, чтобы не сопровождать меня во дворец. Лали понуро уходит.

Я соскакиваю с кровати, на цыпочках крадусь к дверям и запираюсь изнутри – мне совершенно не нужно, чтобы Лали ворвалась без разрешения и обнаружила мою ночную отлучку.

Переодевшись в свой старый охотничий костюм тёмно-синего цвета, почти идеально сливающегося с темнотой за окном, я тайком выбираюсь из дома.

Собственного дома у Рея нет, он арендует двухэтажный особняк в Заречном квартале, считающимся достаточно респектабельным, но далеко не центром города. Помнится, Рей грезил получением титула и переездом в настоящую резиденцию, как у нас, с жилым и нежилым крылом, танцевальным залом на первом этаже, богатой библиотекой, причём он явно не читать собирался, а хвастаться гостям, и обязательно, чтобы особняк окружал сад. Уж не мечтал ли Рей, что ему, как вдовцу последней наследницы, достанется родовое гнездо Кокбергов? Нет, ничего этого не будет, не допущу. Я глубоко вдыхаю вечернюю прохладу и прибавляю шагу.

Ехать до Заречного квартала недолго, а вот идти... Зато, когда через пару часов я доберусь, я смогу не бояться быть пойманной – обычно Рей ложится около полуночи и засыпает мгновенно.

С непривычки очень скоро начинают гудеть ноги, но я иду.

Иногда мне мерещится направленный на меня острый взгляд, однако, оглядываясь, я не нахожу и тени.

К прохладе примешивается сырость, улица бежит под уклон – я приближаюсь к скованной гранитом реке, некогда полноводной, но, по уверениям газетчиков, год от года мелеющей.

Я останавливаюсь на нижней ступеньке моста, перевожу дыхание. Кто-то следит за мной? Почему ощущение чужого взгляда не оставляет? Наверное, от нервов мерещится. Разве я не лезу напрямиком в логово врага?

В воде что-то плеснуло. Я вздрагиваю, вслушиваюсь в ночную темноту и начинаю осознавать, что безлюдная столица меня пугает.

Шаги. И шаги пугают не меньше.

Стража?

Я не делаю ничего плохого, можно сказать, гуляю, но всё равно пригибаюсь, затаиваюсь у широкого парапета, замираю. Шаги приближаются. Патруль идёт вдоль набережной. На мосту мне от них не спрятаться. Едва лишь один из них повернёт голову... Определённо, прячущаяся одиночка вызовет больше вопросов, чем девушка, идущая открыто, но вскакивать я уже не решусь. Соврать, что оступилась и масировала стопу? Патрульные появляются в поле зрения. Позади, там, откуда я недавно пришла, слышится надсадный скрежет, и патрульные, забыв про мост, бросаются на звук. Скрежет, повторяясь, удаляется, уводя их от меня. Я, воспользовавшись моментом, перебираюсь через мост.

Совпадение слишком странное... Но я же не побегу про-

верить, кто там шумел. Маловероятно, что за мной следит человек Рея, ведь у него есть Лали. Вчера я привлекла внимание посла и сеньора Поморро. Оба мои будущие союзники, так что я не возражаю, если они проявили ко мне интерес.

Через две улицы я, наконец, добираюсь до цели.

И пока я шла, я больше не чувствовала чужого внимания, а ведь специально прислушивалась к ощущениям. Пожалуй, мне даже слегка некомфортно, словно я что-то потеряла? Пфф.

Двухэтажный дом, который арендовал Рей, похож на гигантский детский кубик с крышей-пирамидкой. Прилегающей территории нет, дом зажат между соседними особняками, в одном из которых проживает выбившийся с самого дна торговец. Рея особенно тяготит, что он вынужден жить на одной улице с бывшим босяком.

Я смотрю на дом – в окнах нет света.

Должно быть, Рей давно видит сны. Малочисленная прислуга расходится по спальням вслед за хозяином.

Я обхожу дом, миную крыльцо чёрного хода, ведь дверь наверняка заперта, а ключей у меня нет. Я надеюсь, что кухарка, бабушка Моно, как она просила себя называть, хотя выглядела лет на сорок или сорок пять, сегодня не изменила своей привычке и оставила окно кухни приоткрытым.

Мне везёт – окно действительно открыто.

Оглядевшись, я убеждаюсь, что поблизости никого, лишь

на дереве хлопнула крыльями беспокойная птица. Ухватившись за подоконник, я подпрыгиваю. Подтянуться не получается, я соскальзываю обратно на землю, и мысль в голову приходит совершенно дурацкая: кто бы за мной ни следил, господин имперский посол или сеньор Поморро, хорошо, что они не узнают о моём позоре. Хотя логичнее было бы надеяться на поддержку, причём во всех смыслах: чтобы и на подоконник посадили, и подстраховали, и я бы благополучно выбралась с письмами.

Я цепляюсь, рывком забрасываю себя наверх и в живот впивается доска оконного проёма. Минуту, показавшуюся вечностью, я барахтаюсь, бессмысленно дрыгая ногами. Мне даже кажется, что я застряла, и что утром меня найдут в столь непотребном виде. К счастью, я всё ещё могу изобразить куль с костями и свалиться назад. Успокоившись, я кое-как вползаю в окно и даже ухитряюсь не сильно нашуметь, спрыгивая на пол.

Дом молчит.

Я выскальзываю в тёмный коридор и иду на ощупь. Мне на второй этаж, в рабочий кабинет Рея. Дело осложняется тем, что кабинет примыкает к его спальне...

Насколько я понимаю, у Рея два тайника, если не больше. Мне известен код от сейфа, вмурованного в стену и скрытого картиной. Про второй тайник я лишь догадываюсь – Рей не хранит в сейфе ничего особенно важного. К счастью, мои письма также не относятся к важному. О том, что Рей пере-

ложит их в сейф позднее, а сейчас прячет в другом месте, я стараюсь не думать, ведь это не то, на что я могу повлиять.

Я считаю ступени. Шестая скрипит, поэтому её я аккуратно перешагиваю и продолжаю подниматься. На втором этаже тоже тихо, из-под закрытых дверей на полу не пробивается свет. Я крадусь на цыпочках.

По-прежнему тихо...

Сердце гулко стучит, но голова остаётся ясной. Кабинет приближается, и я сжимаю пальцы на дверной ручке, надавливаю. Ручка плавно опускается. На грани слышимости раздаётся щелчок замка. Рей спит крепко. Такая мелочь ведь не разбудит его, верно? Дверь податливо открывается, впускает меня в святая святых.

Я снова замираю и слушаю тишину.

Свет зажигать нельзя, но я вслепую должна справиться. Осталось чуть-чуть... Эх, лучше бы я пошла в "Вегу" и попросила о помощи сеньора Поморро. Ночные кражи – не моё. Дневные, подозреваю, тоже. Даже проверять не хочу. Я снимаю со стены картину, ставлю в кресло.

Сейф на месте, под пальцами гладкий металл. Я нащупываю два ребристых колёсика, большое и маленькое. Каждый поворот они противно щёлкают. В тишине дома их клацанье кажется громоподобным, я уговариваю себя, что я преувеличиваю. В любом случае у меня нет выбора – семь поворотов большого колёсика и четыре – маленького.

Замок, будто издеваясь надо мной, открывается особенно

громко.

Створка распахивается сразу во всю ширь, и я запускаю руку в недра сейфа. Слишком темно, чтобы рассмотреть. Я помню, что мои письма хранились в картонной папке, но их тут явно не одна. Я достаю стопку целиком. В скупом свете звёзд нечего и думать о том, чтобы прочитать содержимое. Я открываю папку за папкой и ориентируюсь на размер бумаг. Несколько листов формата официальных документов явно не то, как и пачка тонких листков, я писала на качественной бумаге.

Да!

Я нашла – приоткрыв конверт, я улавливаю аромат своего парфюма. Навскидку у меня в руках все тридцать семь писем.

Время драпать. Я даже сейф закрывать не буду...

Я оборачиваюсь к двери.

По глазам ударяет нестерпимо яркий свет. Я тотчас слепну.

– Дара?! – я узнаю голос Рея. – Что ты... Письма? Как ты вскрыла сейф?

Глаза слезятся, я отчаянно моргаю, и постепенно зрение начинает восстанавливаться. Хотя картинка всё ещё смазанная, я понимаю, что Рей, полностью обнажённый – обычно он спит раздетым и сейчас пришёл, не потрудившись прикрыться – стоит в дверях.

Я стискиваю добычу. Не важно, что он меня видел. По-

ка письма у меня в руках, я всё ещё могу сбежать, и у него не будет никаких доказательств. Но как сбежать от крепкого мужчины, перегородившего собой проход?

Впору из окна прыгать. Но я скорее переломаю ноги, чем сбегу. И на большое раскидистое дерево, растущее как раз за окнами, мне не перебраться.

Пока я лихорадочно соображаю, Рей оказывается рядом. Я только и успеваю, что шарахнуться. Он хватает меня за руки с такой силой, что пальцы разжимаются, и письма разлетаются по всему полу.

Глава 6

Рей пристально смотрит мне в глаза.

– Дара, кажется, ты больше меня не любишь? Сама бы ты не догадалась. Тебе кто-то подсказал, да? Откуда ты знаешь мой код? Кто-то из слуг подсмотрел? Кто меня предал? Ох, молчишь? Молчи, Дара. Предателем я займусь позже.

– Отпусти.

Стальная хватка, я не могу вырваться.

Рей перехватывает мои запястья одной рукой, но хватка не ослабевает. Второй рукой он почти нежно обнимает меня за спину под лопатками, вынуждает приблизиться и прижимает к себе. Я не могу сдержать гримасу отвращения. Рей лишь улыбается, с его лица не сходит задумчивое выражение.

Я знаю это его выражение, с таким лицом он строит планы.

Я начинаю осознавать, что я в ловушке теперь в самом буквальном смысле, и всё гораздо хуже, чем потеря писем.

С чего я решила, что проблема – добраться до дома и попасть внутрь? Рей – вот проблема.

– Дара, ума у тебя так и не прибавилось? Ты же не думаешь, что я тебя отпущу, если ты вежливо попросишь? Особенно после того, что ты наделала. Всё так замечательно шло, мы могли бы уже стать женихом и невестой официаль-

но. Зачем же тебе понадобилось всё портить, Дара?

Я чуть приободряюсь:

– Рей, а на что ты рассчитываешь, удерживая меня? – плотная ткань охотничьего костюма не защищает в полной мере, и я чувствую вжимающееся в меня его тело. – Папа скорее поверит, что ты похитил меня, чем в то, что я пришла добровольно. Папа поддержит меня, даже если моя репутация будет уничтожена. Я не стану твоей женой.

Рей наклоняется, его дыхание опалает шею. Меня передёргивает от омерзения. Я невольно пытаюсь вырваться, но добиваюсь лишь угрозы:

– Тише, Дара, иначе поцелую. Это будет твой первый поцелуй? Не слишком романтическая обстановка, да?

Я застываю. Я верю, что он сделает то, о чём говорит. И хотя, учитывая мою прошлую жизнь, поцелуй не будет первым, мне противно не меньше, чем если бы был первым.

– Ты... – я всё ещё пытаюсь найти в Рее то хорошее, что, я верила, в нём есть.

Рей подталкивает меня к столу. Он всё ещё легко удерживает мои запястья, но теперь, когда мне некуда отступить, он скользит ладонью вверх по спине, проводит по плечу и останавливает движение на моей шее.

Я вспоминаю давление удавки.

Нет, Рей не душит меня, всего лишь обозначает силу и возможность, а я начинаю задыхаться. Если бы дар мог проснуться... Я крепко зажмуриваюсь в тщетной попытке

разбудить магию, вернуться домой. Но ничего не происходит.

– Смотри на меня, Дара, – его пальцы на ощупь будто черви переползают на лицо.

– Ненавижу.

– Ты сама виновата, Дара. Обычно я нежен с женщинами, даже с шлюхами в борделе, когда они приветливо улыбаются и показывают, как мне рады. После свадьбы я бы хорошо относился к тебе. Но ты, повторюсь, всё испортила. Ты знаешь, что из-за тебя у меня возникли проблемы? Человек, который хочет нашего брака, сегодня был мной крайне недоволен. Он дал мне только пару дней, чтобы справиться. Из-за тебя моя карьера под угрозой.

Наследный принц, вероятно?

– Сочувствую, – издёвка прорывается почти против воли, я испытываю мрачное удовлетворение от того, что могу говорить, не скрывая чувств.

– Он назвал меня неудачником, а я, Дара, ненавижу, когда меня так называют. Ты не представляешь, как сильно я зол на тебя, как хочу задушить, сдавить горло и смотреть, как в твоих глазах гаснет жизнь.

Его клинит на удушении?

Да он не просто мразь, он ещё и психопат!

Но он всё ещё достаточно разумен, по крайней мере он понимает логику:

– И что даст тебе моё убийство? – я стараюсь, чтобы голос

звучал ровно, с лёгкой насмешкой.

– Ничего, – легко соглашается он. – Убивать тебя, ты права, ни к чему. В отличии от тебя, Дара, у меня есть ум, и я умею им пользоваться. Ты сама подарила мне чудесную возможность, и я её не упущу. Я уже всё продумал. Ты будешь послушной девочкой и пойдёшь сама, или мне прижать тебя к себе и нести?

– Сама.

– Не дёргайся, Дара.

Не стану. Я рванусь не сейчас, а, когда буду уверена в успехе.

Рей позволяет мне отступить от стола. Он как-то перехватывает мои запястья, и теперь Рей прижимается ко мне сзади, приобнимает за талию, держа мои запястья впереди, на уровне пояса.

Не ослабляя хватки, Рей возвращает папки в сейф, захлопывает его, вешает картину. Письма остаются валяться на полу, они Рея не заботят. Он ведёт меня в свою спальню, подводит к окну.

– Ты передумал душить и собираешься сбросить меня вниз? – не думаю, что это действительно так.

– Что за глупости? – удивляется он. – Конечно, нет. К сожалению, сейчас видно плохо. Совсем рядом растёт раскидистое дерево, одна из развилок почти напротив окна. Очень удобное место для прониры газетчика. Как думаешь? Только представь этот снимок. Переплетение двух обнажённых тел,

твое лицо повёрнуто к камере. В кадре на простыне красноречивое пятно крови.

– Папа тебя убьёт.

Это даже не угроза – просто факт.

– Нет, ведь я умный. Газетчика вспугнёт мой хороший друг. Сейчас я отправлю обоим записку, и друг всё организует. Мы скажем, что он не знал, что именно снимает газетчик, поэтому поспешил войти, чтобы предупредить меня, и... застал нас с тобой. Пока твой папа тебя хватится, я успею отвезти тебя в храм, а с твоим папой говорить буду не я. Мой друг принесёт фотографию и заверит, что всё уладил с газетчиком, объяснит причину, по которой мы поженились. Твоя семья будет вынуждена принять, понимаешь?

Мне страшно.

Очень-очень страшно.

Лучше умереть, чем позволить ему...

– И что? – я всё ещё стараюсь говорить спокойно. – Что помешает мне рассказать о насилии и попросить тебя убить? Ты умнее, но на дуэли ум тебя не спасёт. К тому же, я не понимаю, как ты собираешься на мне жениться. Ты привезёшь меня в храм, да. Нужно либо моё согласие, либо папино.

– Или человека, которому князь Кокберг доверил говорить от его имени, – педантично уточняет Рей.

– Такой есть?! – я не могу скрыть ужаса.

– Нет, – с сожалением вздыхает Рей.

– Вот...

Не успеваю я обрадоваться, Рей перебивает:

– Белая богиня далеко не единственная богиня. Есть другие. Песчаный Кадор похищение строптивых красавиц не только одобряет, но и считает доблестью. Как и укрощение. Дара, ты хотела знать, как я заставлю тебя говорить семье правильные вещи? На нашей свадьбе тебе придётся выпить ритуальное Вино послушания, хорошо? Ты знаешь, как оно действует?

Он действительно умный. В книгах, которые я читала, говорилось, что Вино послушания превращает девушек в безвольных кукол. Парадоксальным образом жертвы сохраняют разум, ведут себя естественно, но при этом не способны противостоять приказам хозяина, чья кровь была добавлена в вино.

Рей подталкивает меня к кровати.

– Что?!

– Ты о том, что газетчик ещё пришёл? Не волнуйся, он будет вовремя, рано утром, в солнечных лучах кадр получится наиболее эффектно. Мой друг тоже придёт утром. Беспокоить их посреди ночи будет неудобно. К тому же, чтобы отправить приглашения, мне придётся отлучиться. Скажи, разве ты будешь сидеть смирно? Я думаю, что нет. Я не могу позволить тебе уйти.

Он дышит в затылок, прижимается ртом к коже за ухом.

– Меня сейчас стошнит.

– Постарайся сдержаться, Дара, иначе я разозлюсь ещё

больше. Я и так на тебя зол, помнишь? Я прямо сейчас накажу тебя, – он расстёгивает пуговицу за пуговицей, сверху вниз, не торопясь, поглаживая через ткань. – Но я могу быть и немного нежным, если ты расслабишься. Ну же, подумай, какой первый раз ты хочешь?

– Какая же ты мразь.

– Ты ошибаешься. У кролика и у волка, у каждого своя правда. Для кролика волк чудовище, но я просто... собираюсь тебя съесть. Кто сказал тебе родиться глупым кроликом? Знаешь, Дара...

Он стягивает с меня жакет, заставляет разуться. Амазонка сползает по ногам вниз. Я остаюсь в одних панталонах и блузке поверх нижней сорочки. От того, что Рей медлит, только хуже. Я ещё не раздета полностью, но уже чувствую себя голдой. И грязной.

Полнейшая незащитность сводит с ума, и, чтобы не утонуть в отвращении и унижении, я цепляюсь за разговор, чем, кажется, только забавляю Рея.

– Ха..., – вырывается хрип, когда он принимается за пуговицы блузки, теперь он движется снизу вверх.

– Есть какая-то высшая справедливость, что глупый кролик будет съеден умным волком. За что тебе дан титул? Я гораздо достойнее его.

– Ты...

– Помни, это твоя вина. Дара, я вынужден делать то, что делаю.

– Почему? – чем дольше разговор, тем дальше я отодвигаю... неизбежное.

Я действительно подумала “неизбежное”?!

Нет!

– Потому что после унижения и насилия женщины, особенно такие, как ты, глупые и изнеженные, теряют волю. Это лучший способ заставить тебя прекратить сопротивляться. Мне придётся быть грубым.

Он срывает с меня блузку, разворачивает лицом к себе и отталкивает на матрас. Я падаю. Я не успеваю ни вскочить, ни просто откатиться. Рей снова близко. Он ловит мои запястья, вжимает в кровать у меня над головой.

В его глазах чистое безумие, похоть и жажда обладания.

Ногтями Рей оставляет кровоточащие полосы, будто зверь когтями рисует метки. Больно, и запястья до завтра почернеют. Душевная боль во сто крат мучительнее телесной. Он прав – унижение ломает волю, я начинаю это чувствовать, а он, прижавшись ухом, слушает, как бьётся моё сердце и что-то бормочет, я уже не могу разобрать что.

Будто уничтожая крохи надежды, Рей хватается за лямку сорочки, оттягивает.

Всё не может закончиться так. Я не для того возвращалась!

Рей словно окончательно теряет человеческий облик.

Я чувствую себя абсолютно беспомощно, гораздо хуже, чем с петлёй на шее. Тогда я нашла в себе силы ненавидеть,

стоять с гордо поднятой головой. Мне надо сосредоточиться на происходящем, чтобы поймать тот единственный шанс, но сознание пытается укрыться от убийственной действительности в воспоминаниях. Я пытаюсь найти в них точку опоры, и перед глазами вдруг встаёт мамина скульптурная композиция, но не такая, какой я её видела вживую, а такая, какой она должна стать, когда мама её завершит. Чудовище, захватившее храм, огромное, с гору, лучшие мечи не могли поцарапать его чешую. Шаги чудовища были настолько тяжелы, что сотрясали землю, а взмахом хвоста чудовище срубало вековые деревья. Рыцари на фоне чудовища слабаки, однако победили именно они, а я прямая наследница благословлённого Белой богиней победителя Аарона Кокберга.

Рей, устав бороться с неподатливой сорочкой, разрывает её.

– Не прощу. Даже если мне придётся стать призраком.

В душе, наконец, поднимается огненная волна, ярость вскипает в крови. Заветные слова срабатывают как волшебное заклинание. Или это моя готовность сражаться, победить ценой собственной жизни? Не важно!

Я получила вторую попытку.

– Почему ты успокоилась?! Ты не должна радоваться...

Перед глазами темнеет.

Этот раз заметно отличается, нет крутящего потока в небытии. Я прихожу в себя почти мгновенно. Я вернулась в недавнее прошлое? Интересно, на пару суток, в день, когда

Рей устраивал сцену перед нашим домом или на несколько часов? Я безумно надеюсь оказаться дома в своей спальне. Я усвоила урок, я пошлю сеньора Поморро ограбить сейф.

Действительно, зачем я выбирала только письма, когда можно было бы забрать всё?

Я открываю глаза. Вокруг темно, я различаю лишь смутные контуры и понимаю, что стою перед креслом, а в нём – картина.

Я в кабинете Рея! Перед сейфом...

Судьба даёт мне шанс бежать, а не щёлкать колёсиками, но руки тянутся к сейфу, и я с громоподобными щелчками поворачиваю большое колёсико на семь поворотов, а маленькое – на четыре.

Свет включился через несколько мгновений после того, как я нашла письма. Я должна успеть.

Сейф распахивается, и я без разбора хватаю стопку папок, нужная всё равно среди них. Я бросаюсь к выходу, врезаюсь в дверцу плечом невзирая на вспышку острой боли. С той стороны я встречаю сопротивление, затем слышу глухой удар, непонятное звяканье.

Выскочив, я вижу распростёртого на полу Рея. Поблёскивает отброшенный в сторону перламутровый шарик. Артефакт? Не в духе Рея выходить на грабителя с голыми руками. В первый раз я просто не заметила, когда была ослеплена ярким светом.

Свет вспыхивает и в этот раз, но я успеваю зажмуриться.

– Дара?!

Обувь у меня подходящая, я бью, попадаю вроде бы по рёбрам.

Мне удаётся перепрыгнуть, и хотя Рей тянется схватить меня за щиколотку, я не только удерживаюсь на ногах, но и удерживаю все свои папки.

– Я тебя убью, стой!

Рей слишком быстро вскакивает, но я успеваю добраться до лестницы. Я почти скатываюсь вниз, рискуя покатиться. Эх, знала бы, натянула бы понизу верёвку, но... При том, что эмоции бурлят, в душе сосущая пустота. Я думаю, это дар. Вернуться обратно ещё раз я сегодня уже не смогу.

Отпирать парадные двери слишком долго.

Я бегу к чёрному ходу. Я успеваю подумать о том, что, выбравшись через окно, подставлю добрую бабушку Моно. К тому же через окно долго, Рей успеет схватить, а прелесть чёрного хода в том, что дверь запирается на несколько щелчков и засовов, ключи не нужны.

И я вырываюсь на свободу.

У меня хороший шанс спрятаться среди тесной застройки Заречья.

Был. Пока я не услышала страшное:

– Зора, фас!

Зычный приказ тонет в заливиستم собачьем лае. Я вспоминаю, что, когда мы только поженились, у Рея была охотничья гончая, особая загонная порода. Комок жил и мышц

размером с телёнка, вечно слюнявая оскаленная пасть, короткий хвост и злобный взгляд. Гончая признавала только Рея и без разбора бросалась на всех остальных. Рей держал собаку либо в вольере, либо на цепи и запрещал к ней приближаться.

Это случилось меньше, чем через месяц после нашей свадьбы: гончая однажды освободилась из вольера, и пока Рей за ней пошёл, насмерть порвала горничную из дома соседа-торговца. Чтобы замять дело, Рею пришлось раскошелиться и убить гончую. Помню, он ходит мрачнее тучи, а я тихо недоумевала, зачем держать опасное животное, будто надресированное убивать.

Я заворачиваю за угол, но тщетно – гончая держит след, я слышу её приближение.

У меня и минуты нет...

Забраться на дерево? Влезть в первый попавшийся дом? Смешно, ведь она допрыгнет куда угодно.

– Княжна?

Передо мной чёрной тенью встаёт на дыбы конь. В ночи кажется, что он заслонил половину неба.

Я замираю – это не Рей.

Но кто мог бы узнать меня в темноте?

Конь опускается на четыре ноги. Сидящий верхом мужчина легко наклоняется, подхватывает меня, и через мгновение я оказываюсь сидящей впереди седла. Я вдыхаю знакомый аромат кофе, крепче вцепляюсь в плечи своего... спасителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.